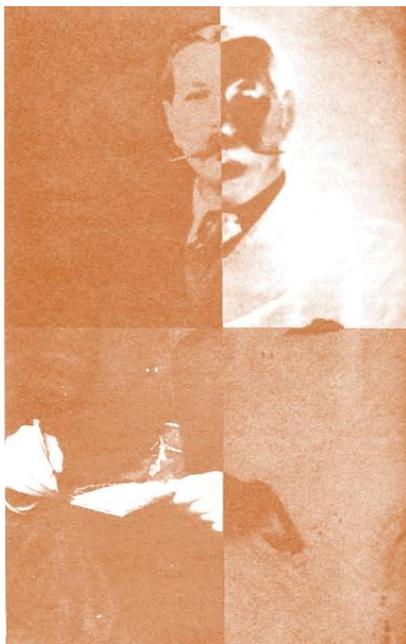

Бессмертный Шерлок Холмс

Джозеф Белл, эдинбургский профессор, был очень интересным человеком. Он отличался редкой проницательностью, безошибочной интуицией и огромной наблюдательностью. Его ученик, молодой врач Артур Конан Дойл, практиковавший в городке Саутси, нередко вспоминал о нем, чему, кроме естественной привязанности ученика к учителю, была еще одна причина. Провин-

циальный врач, подолгу ожидавший в приемной редких пациентов, хотел стать писателем, и не каким-нибудь

обычным, рядовым, а современным Вальтером Скоттом. Пройдет несколько лет, и Дойл станет известнейшим писателем современности, но не в жанре исторического романа. Несколько десятилетий спустя после смерти Эдгара Аллана По Артур Конан Дойл прославится как автор детективного рассказа и прославится «с помощью» Джозефа Белла, эдинбургского профессора медицины, перевоплотившегося в Великого Шерлока Холмса.

Вот уже более ста лет прошло с тех пор, как читатель впервые переступил порог общей гостиной частного «сыщика-консультанта» Шерлока Холмса и военного врача в отставке Джона Х. Уотсона в доме 221 Б по лондонской улице Бейкер-стрит. И оказалось, что Шерлок Холмс — герой такой же бессмертный, как, например, шекспировский Ромео.

Конечно, свет славы упал и на его верного спутника, восторженного «Босуэлла», доктора Уотсона. Они неразлучны в нашем сознании, как Дон-Кихот и Санчо Панса, и так же любимы, узнаваемы, живы.

Интересно, как Артур Конан Дойл отнесся бы сейчас к феномену бессмертия Великого Сыщика — этим званием наградили Холмса поколения благодарных читателей. Ведь Дойл не то что в грядущей славе, но и в излишней популярности у современников Шерлоку Холмсу охотно бы отказал; его воображение упрямо рисовало иного героя, достойного бессмертия, — второго Айвенго.

Первый роман Дойла «Фирма Гердлстонов» был не историческим, а скорее — авантюрно-романтическим, даже готическим. Тут были и приключения, и романтическая любовь, и кошмарные замыслы злодея убить свою подопечную, молодую богатую наследницу. Злобный опекун сначала пытается женить на девушке своего сына-негодяя, а когда это не удается, бедняжку Кейт заточают в глухой деревне, и только любовь и смелость ее верного рыцаря Тома Димсдейла, студента Эдинбургского медицинского института (образ во многом автобиографический), помогают вызволить узницу. Так добродетель торжествует, а порок наказывается.

Главный недостаток романа, — скажет впоследствии Конан Дойл, — он почти ничем не отличается от множества подобных сочинении, кроме одного: главный герой — медик по специальности. Это и стало камнем преткновения на пути романа к изданию.

Вообще-то врач уже не раз становился героем английского романа, а первым литератором, осмелившимся на такую дерзость, оказалась соотечественница Дойла, писательница Гарриет Мартино. До нее врачи в английской литературе маячили где-то на периферии повествования, в должный момент появляясь у ложа больного или больной, чтобы возвестить о рождении или смерти. Доктора, как и гувернантки (до «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, где впервые неимушая труженица становится главной героиней

повествования), обладали только именем, не индивидуальностью. Но у Мартино в «Дирбруке» (1832) доктор Эдвард Хоуп был уже выдвинут на авансцену романа. Напоминал Хоупа и врач Терциус Лидгейт — в романе «Миддлмарч» знаменитой Джордж Элиот (1871–1872). Но Хоуп и Лидгейт «существовали» в реальном мире английской провинции. Хоупу, философу и реформатору-практику, удалось достичь признания и уважения. Лидгейт — мечтатель, полный благих надежд, трагически непонимаемый, женатый на женщине, которая, совсем как чеховская Попрыгунья, Ольга Дмитриевна, не понимает своего мужа, а вдобавок еще и стыдится его профессии, умирает, ничего не свершив, нелепо заразившись дифтерией (совсем как чеховский доктор Дымов).

Но и «Дирбрук», и «Миддлмарч» были романами реалистическими, а Конан Дойл житейски достоверный образ студента-медика ввел в стихию условно-романтическую, что производило странное впечатление. Во всяком случае, никто из тех издателей, к которым он поочередно обращался, не соблазнился напечатать «Фирму Гердлстонов», и начинающий автор отправил рукопись в нижний ящик бюро. Однако он не отказался от надежды стать писателем. Врачебная практика уже приносила Дойлу кое-какой доход, но он женился, семья росла, и соответственно возрастали расходы. Конан Дойл писал и рассказы, и один был опубликован в журнале «Корнхилл Мэгэзин», известном строгими литературными критериями. То был, однако, как бы аванс, поощрение

автору, понимавшему, что читатель заслуживает знакомства с героем более интересным, в котором достоверность и оригинальность уживались бы естественнее, чем это было с «некрасивым, но привлекательным» Томом Димсдейлом. Тогда-то Дойл и решил, что выбрать лучшего прототипа, чем Джозеф Белл, для нового героя, способного завладеть вниманием широких читательских масс, невозможно. Кстати, профессор сам выделил Конан Дойла из массы студентов и поручал ему регулировать очередь пациентов, жаждущих попасть на прием к профессору Беллу. Дойл опрашивал больного, составлял анамнез и сопровождал пациента в кабинет Белла, но чаще всего тому не требовалось заглядывать в историю болезни, профессор с одного взгляда мог определить недуг. «Он сидел в кабинете, с лицом неподвижным, как у индейца, и ставил вошедшему диагноз прежде, чем тот успевал раскрыть рот. Белл перечислял симптомы болезни и даже сообщал пациенту кое-какие подробности из его прошлого и вряд ли когда-нибудь ошибался», — писал Дойл в автобиографической книге «Воспоминания и приключений». Человека штатского он мог, например, спросить:

«— Вы, старина, служили в армии?»

— Да, сэр.

И недавно вышли в отставку?

— Недавно, сэр.

— А служили вы в горных частях?»

— Да, сэр.

— По интендантской части?

— Да, сэр.

— Стояли на Барбадосе?

— Да, сэр...».

И все это к крайнему изумлению посетителя и присутствующих студентов. Но Белл недолго оставлял их в недоумении. «Видите ли, господа, — объяснял он, — этот человек хорошо воспитан, но, войдя, не снял шляпу, потому что у военных это не принято, а он недавно из армии и не успел еще усвоить правила гражданского поведения. У него вид человека, привыкшего командовать, и, по всей вероятности, он шотландец. А что касается Барбадоса, так он жалуется на слоновость — но эта болезнь распространена в Вест-Индии, а отнюдь не на Британских островах».

Удивительная способность Белла делать, на основании наблюдения, дедуктивные выводы, как и весь внешний облик профессора — высокого, худого, с резкими, «ястребиными» чертами лица, — все стоило того, чтобы запечатлеть — нет, пожалуй, не в образе врача, а сыщика-детектива, которому по роду занятий необходимы и феноменальная наблюдательность, и умение делать выводы. И в ушах Дойла снова явственно звучал несколько вибрирующий голос профессора: «На основе тщательного наблюдения и дедукции, господа, возможно поставить диагноз в любом случае. Однако не надо при этом небрежничать:

дедуктивные выводы должны быть проверены на практике. Диагноз должен быть подтвержден с помощью стетоскопа и других общепризнанных современных методов...» А все это, читатель, конечно, напоминает знаменитую сцену знакомства Холмса и Уотсона:

«— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

Здравствуйте! — приветливо сказал Холмс... — Я вижу, вы жили в Афганистане.

— Как вы догадались? — изумился я».

А через несколько страниц, в главе II «Этюда в багровых тонах», которая называется «Искусство делать выводы», Холмс объясняет загадку: «Ход моих мыслей был таков: «этот человек по типу врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. — Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее. Лицо изможденное, — очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане»¹. Весь ход мыслей не занял и

¹ В конце 70-х годов, в конце второй англо-афганской войны (1878-1880), англичане потерпели поражение при Майване, где «сражался» доктор Уотсон.

секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились».

Но мысль сделать новым героем именно сыщика возникла у Дойла не сразу. Был момент, когда аналитическими способностями обладал врач: Дойл, очевидно, хотел остаться верным Беллу и в «профессиональном» отношении. В дневнике, где Дойл отмечал, что читает теперь Габорио, он набрасывает черновик небольшого рассказа, в котором детективом-любителем выступает военный врач, очень похожий на будущего Уотсона, а сын Дойла, Адриан, писал, что сам видел первый набросок «Этюда в багровых тонах», но в нем вообще Холмса не было, а фигурировал доктор, он же сыщик, Ормонд Сэкер. — Когда же Дойл ввел в действие Холмса, то звали его сначала не Шерлок, а Шеррингфорд. Фамилию Холмс Дойл позаимствовал у любимого американского писателя и врача Оливера Уэнделла Холмса, ибо, по словам Дойла, никогда он так сильно не любил человека, не будучи с ним знаком.

Шерлок Холмс. Рис С. Пейджета

Но даже когда главным героем стал Холмс, сыщик-любитель, «консультант», его друг-врач остался в шерлокиане важной персоной, именно он рассказывает читателю о подвигах Холмса и его удивительном методе. В «Воспоминаниях и приключениях» Дойл свидетельствует: «Когда я впервые стал думать о сыщике — примерно в 1886 году, — я прочитал несколько детективных рассказов и был поражен их, мягко говоря, нелепостью, потому что в разрешении таинственной загадки автор явно полагался на совпадение или стечение обстоятельств. Мне это показалось отступлением от правил честной игры, потому что успех сыщика должен зависеть от чего-то, что свойственно его собственному разуму, а не только от необыкновенных авантурных обстоятельств, которые, что ни говори, весьма редко встречаются в реальной жизни. Меня довольно сильно увлекал Габорио, тщательно разрабатывавший сюжеты, а мастер своего дела, сыщик Огюст Дюпен Эдгара По был героем моего детства. Но не смогу ли я принести что-то новое? Я вспомнил о своем старом учителе Джо Белле, о его орлином профиле и странных повадках, о его сверхъестественной зоркости, с которой он подмечал малейшие подробности. Если бы он стал сыщиком, то, несомненно, приблизил это интересное, но бессистемное занятие к чему-то вроде точной науки. И я решил попробовать свои силы в этом направлении». Это «новое», свое он и внес образом Белла, сочетавшего в себе

практика и человека науки (хотя, разумеется, нельзя забывать и «влияния» Огюста Дюпена).

...Забегая вперед, скажем, что 1 марта 1909 года в Лондоне был дан торжественный, мемориальный обед в честь столетней годовщины со дня рождения По. Председательствовал на обеде сэр² Артур Конан Дойл. Он говорил о трудах великого человека: «Именно его рассказы были грандиозной вехой и одним из отправных пунктов на пути развития литературы в прошлом веке и для французских, и, в той же мере, для английских писателей. Его рассказы были настолько полны плодотворными возможностями, так стимулировали умы других, что большинство этих рассказов явились тем корнем, из которого возросло целое литературное древо... Оригинальный изобретательный ум По всегда первым открывал новые дороги, чтобы другие могли пройти по ним до конца. Где вообще был детективный рассказ до тех пор, пока По не вдохнул в него жизнь?»³.

А действительно, что было после Эдгара По? Ведь Холмса от Дюпена отделяет больше полувека! Что было с детективным повествованием между По и Дойлом? А было то, что тайной «насыщался» роман Коллинза и Диккенса, социальный роман...

Три года спустя после «Барнеби Раджа» Диккенс пишет «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», где тайну убийства

² Он получил рыцарское звание за литературные заслуги.

³ Murch A. E. The Development of the Detective Novel. 1958 P. 83.

раскрывает частный сыщик Нэджет, к которому Диккенс относится не очень уважительно. По его мнению, частный сыщик ничем не отличается еще от шпиона, поэтому, наверное, и выглядит Нэджет весьма неказисто: «Это был низенький, высохший старичок, который, казалось, хранил в тайне даже то, что в жилах у него течет кровь», — иронизирует Диккенс. Нэджет — прирожденная «ищейка», у него одна-единственная забота: выследить и обличить преступника. Для него очень важен сам процесс слежки, а проблема справедливости его как бы и не тревожит. «О, кроме тайны меня ничто не интересует», — говорит Нэджет. Диккенс, в отличие от большинства, с негодованием отзывался о Ходоках, считая их людьми испорченными и продажными, но когда при лондонской полиции был образован департамент по расследованию преступлений, Диккенс горячо его поддержал и особенно хвалил инспекторов Уичера и Филда. Он даже сопровождал Филда в его походах по лондонским вертепам нищеты и преступности, а потом изобразил как инспектора Бакета в романе «Холодный дом».

Бакет — отнюдь не прежний отталкивающий субъект вроде Нэджета. Это умный, достойный и самоотверженный служитель Справедливости, а внешне это — «плотного сложения, пожилой человек в черном, с пронизательным долгим взглядом». Служение Закону возвышает его даже над аристократом сэром Лестером, которому он говорит о подозрении, павшем на жену лорда

миледи Дедлок. Причем, желая смягчить удар, но с чувством превосходства и не без скрытой иронии, Бакет наставляет сэра Лестера, как тому вести себя в создавшемся положении: «Если вам наносят удар, вы натурально думаете о своем роде. Вы спрашиваете себя, как перенесли бы все ваши предки, вплоть до Юлия Цезаря, — пока что дальше не пойдем, — как все они перенесли бы подобный удар, вы вспоминаете, что десятки ваших предков способны были перенести удар мужественно, и сами вы переносите его мужественно в память о них и для поддержания родовой чести. Вот как вы рассуждаете и вот как вы действуете, сэр Лестер Дедлок, баронет...»

Что же касается Коллинза, то у него, по отзывам современников, был дар не только описывать детективное событие, но и особый интерес к тайне и преступлению. Уже в раннем сборнике «После наступления темноты», в рассказе «Ужасающее ложе», налицо этот его интерес к тайне (и подражание рассказу Эдгара По «Колодец и маятник»). Коллинз с леденящими кровью подробностями описывает, как заночевавший в игорном притоне молодой человек просыпается среди ночи и видит, что на него опускается тяжелый деревянный верх старинной кровати. Юноша еле успевает соскочить с опасного ложа и спастись бегством. (Невольно при этом вспоминается и рассказ Дойла «Палец инженера», где молодому человеку угрожает махина гидравлического пресса.) Подражал Коллинз Эдгару По и в повести «Украденное

письмо». Правда, у Коллинза письмо действительно было спрятано, а герой повести не сыщик, а молодой адвокат, но, как и Дюпен, он оставляет незадачливому вору ядовито-назидательное послание. Столь же подражательна повесть Коллинза «Желтая маска» (у По — рассказ «Король чума»). Построены на детективной тайне романы «Игры в прятки» и «Смертельная тайна», не очень удачные романы, так как автор «проговаривается» чуть ли не с первых страниц. А в сборнике «Червоная дама» Коллинз рисует образ искусного сыщика Дарка, который методами расследования очень напоминает диккенсовского Бакета.

Собственная жизнь Коллинза тоже изобиловала таинственными приключениями, одно из которых легло в основу знаменитого романа «Женщина в белом» (1860). Успех его был грандиозен. Роман печатался в диккенсовском журнале «Круглый год» выпусками «с продолжением», и у дверей редакции каждую неделю собирались толпы жаждущих узнать, «что дальше?». Сюжет Коллинз почерпнул из французского «Справочника знаменитых судебных дел», где, в частности, рассказывалось о несчастной маркизе де Духо, которую родной брат засадил в сумасшедший дом, чтобы завладеть ее состоянием. Маркизе удалось бежать, но состояние она потеряла. Маркиза всегда носила белые платья, и поэтому героиня Коллинза, Энни Кэтрик, «списанная» с маркизы, тоже оказывается «женщиной в белом». Была, однако, еще одна очень романтическая причина, запечатлевшая белое

одеяние в воображении Коллинза. Однажды поздним вечером он встретил бежавшую от погони прекрасную женщину в белом платье, блестящем в лунном свете, и спас ее. Эта женщина, Кэрролайн Грейвз, стала его гражданской женой.

Грандиозен был успех и второго детективного романа Коллинза «Лунный камень». Загадка исчезновения дивного алмаза, подаренного молодой и прекрасной девушке Рейчел Вериндер в день ее рождения, властно захватила читателей. Они пребывали в некоем исступлении мучительного и все нарастающего любопытства, по мере того как полицейский сыщик, сержант Кафф — его прототипом был Уичер из департамента по расследованию преступлений, — неуклонно, но не спеша продвигался по стезе расследования.

Иллюстрация С. Пейджета к рассказам о Шерлоке Холмсе

Такое же нестерпимое и жгучее любопытство вызвал Чарльз Диккенс своим последним и, увы, неоконченным романом «Тайна Эдвина Друда» (1870). Узнав, что королева Виктория прочла все шесть выпусков романа в журнале «Круглый год», Диккенс предложил пересказать ей содержание остающихся шести. Однако нелюбопытная королева не пожелала узнать, действительно ли Эдвин Друд был убит, и Диккенс унес с собой его тайну — смерть писателя оборвала роман на середине. Не осталось ни набросков, ни плана...

Как ни странно, но детективный опыт соотечественников не очень интересовал Дойла. Для него образцом были не романы Коллинза и Диккенса, а рассказы По. Что ж, пожалуй, в этом есть свой резон: ведь положил начало (в англоязычной литературе) искусству делать аналитические выводы на основе тщательного наблюдения именно Э. По, он создал дедуктивный метод, сделал его средоточием интереса в рассказах дюпеновской серии и в двух других логических новеллах, он оснастил метод технически определенными приемами расследования, ввел фигуры сыщика и рассказчика, он поставил главнейшим условием интерес читателя и его соучастие в раскрытии тайны. Он создал каноническую форму рассказа с экспозицией, кульминацией и последующей «лекцией» детектива рассказчику. И Конан Дойл следует этому канону более или менее пунктуально на всем протяжении

шерлокианы. Но и обогащает его, конечно. Взять хотя бы энергичное начало рассказов о Холмсе. Автор явно стремится сразу же завладеть вниманием читателя, чему очень способствует почти неизменное «присутствие» Холмса или упоминание о нем в первой же строчке (или, по крайней мере, в первом абзаце повествования):

«Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той женщиной»» («Скандал в Богемии»).

«В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире...» («Обряд дома Месгрейвов»).

«Пополняя... записи о... Шерлоке Холмсе... я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности. Этому угрюмому аскету претили шумные похвалы окружающих» («Дьяволова нога»).

Читателю достаточно было прочесть эту первую строчку, и рассказ уже полностью завладевал им и не отпускал его до конца. Во многих рассказах Дойл следовал главному принципу Э. По: «Этюд...», а также, например, «Союз рыжих», «Установление личности», «Пять апельсиновых зернышек», «Пестрая лента», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема» — одним словом, 6

из 12 представленных в сборнике «Приключения Шерлока Холмса» заканчиваются финальным объяснением. В поздних рассказах этот принцип выдерживается реже. Но что касается самого Шерлока Холмса, то, анализируя свой метод расследования, он не очень-то склонен признавать превосходство шевалье Дюпена. Вот, например, Уотсон говорит Холмсу:

«— Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По...

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент... У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По». Что же касается мсье Лекока у Габорио, так тот, по словам Холмса, вообще «жалкий недотепа». Но все это говорится устами Холмса, чтобы сильнее поразить воображение читателя оригинальностью и эксцентричностью нового детектива. И как-то странно сейчас думать, что и Шерлок Холмс не сразу пробился к читателю.

Повесть «Этюд в багровых тонах» тоже совершила круг странствий по издателям. Побывала она и в редакции «Корнхилл Мэгэзин», но его редактор Джеймс Пейн, уделявший немало внимания детективным тайнам в собственных романах, с сожалением возвратил рукопись Дойлу: повесть была слишком длинна, чтобы печатать ее в одном номере журнала, и слишком коротка для нескольких номеров. Целый год «Этюд...» пролежал в

«Рождественском ежегоднике Битона» и только в 1887 году увидел свет. Сейчас экземпляр «Ежегодника» — чрезвычайно библиографическая редкость, как и первое книжное издание «Этюда...» с рисунками отца писателя, художника Чарлза Конан Дойла.

Читатели «Этюд в багровых тонах» приняли с интересом, но без особого ажиотажа. Не то было в Америке. Там Шерлок Холмс сразу же стал всеобщим любимцем, почему «Знак четырех», вторая повесть о Холмсе, вышел сначала за океаном. А случилось это так.

В 1889 году в Лондон приехал агент американского журнала «Липпинкот Мэгэзин». Он дал обед, на который были приглашены Оскар Уайлд, восходящая знаменитость, и мало кому известный в Англии Конан Дойл. Агент сразу же повел разговор о том, чем могли бы английские писатели украсить американский журнал в следующем году. Уайлд пообещал роман — им оказался «Портрет Дориана Грея», а Дойл, повинувшись американской симпатии к Холмсу, передал журналу повесть «Знак четырех», которая была опубликована в феврале 1890 года. Осенью повесть вышла отдельной книгой и в Англии, и тут уж Шерлок Холмс завоевал сердца и своих земляков. С волнением в душе «следовали» они за героями повести к месту таинственного свидания у театра «Лицеум»:

«Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода... Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния... В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света... мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек не впечатлительный, но мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика».

Так с самого начала Холмс поднимался в глазах читателей над уровнем обычных слабостей и страхов и приобретал черты героической, уникальной личности, становился воплощением психологической защиты и опоры.

Надо сказать, Дойл еще надеялся соединить медицинскую практику и литературный труд, почему и предпринял поездку в Вену, где постиг сложную науку глазной хирургии. Вернувшись в Англию, он поселился на Монтегю Плейс и открыл свой кабинет, где добросовестно пребывал с 10 утра до 4-х дня, но «ни разу ни единый звонок в дверь... не нарушил моего спокойствия» — чему он, наверное, радовался, так как можно было не отвлекаться от письменного стола. И хотя с самого начала он отнесся к своему

частному сыщику-консультанту с большой иронией, надо было продолжать писать рассказы, раз никто не обращался к нему за медицинской помощью.

Желание прочно завладеть читательским вниманием заставляет Дойла опять-таки последовать примеру По, у которого Дюпен действует в серии, состоящей из трех рассказов. Дойл решил тоже создать цикл рассказов с неперменным участием Холмса. И читателю будет интересно: даже если он прочтет не все рассказы серии, у него неизбежно останется впечатление цельного, связанного повествования. В 1891 году в только что созданном журнале «Стрэнд Мэгэзин» появляются шесть рассказов о Холмсе, возглавляемых «Скандалом в Богемии». Известно, что издатель «Стрэнда» Гринхаф Смит, прочитав его, провозгласил «рождение новой литературы». Читатели тоже оценили новацию: они бредили «Тайной Боскомской долины», восхищались «Союзом рыжих», трепетали от ужаса вместе с несчастным Джоном Опеншо над «Пятью апельсиновыми зернышками». Даже «Человек с рассеченной губой», являвший некоторые следы авторской спешки и нетерпения переключиться на более интересную для него историческую тематику, вызывал непритворное восхищение многообразными талантами Холмса, в частности его умением носить личину и маскироваться. Читатели ненасытно требовали новых рассказов о Холмсе.

Среди почитателей Холмса оказался и его прототип: редчайший случай в писательской практике.

Белл чувствовал себя очень польщенным тем, что Шерлок Холмс «списан» с него, и, между прочим, запечатлел свою признательность в эссе «Шерлок Холмс». Позднее он вступит в переписку с Дойлом, будет предлагать вниманию «Сыщика» разные загадочные казусы — Дойл, правда, не сочтет их очень интересными, как о том свидетельствует признание в «Автобиографии», — но удовольствие любимого профессора будет ему приятно, тем более что Белл в своем «Шерлоке Холмсе» ставил Сыщику высший балл как «проницательному, приметливому, любознательному человеку, наполовину врачу, наполовину виртуозу-художнику, у которого много свободного времени, цепкая память и, может быть, самое значительное из всех дарование — способность освобождать свой мозг от бремени ненужных подробностей, которые обычно отягощают человеческую память».

Все это было прекрасно, а отзывы, вроде белловских, очень лестны, но Дойлу, который в это самое время работал над историческим романом из рыцарских времен — «Белый отряд», — совсем не хотелось вновь переключаться на подвиги своего сыщика-джентльмена. Поэтому Дойл запросил у «Стрэнда» огромный по тем временам гонорар: за каждый рассказ 50 фунтов. Дойл был уверен, что журнал, конечно, откажется, и он без всяких помех отдастся сочинению любимого романа. К его удивлению,

«Стрэнд» согласился. Делать было нечего. Конан Дойл пишет еще шесть рассказов для журнала, среди них «Голубой карбункул», «Пестрая лента» и «Медные буки».

Потом все двенадцать выйдут отдельной книгой «Приключения Шерлока Холмса» (1892). Они прославят имя Дойла далеко за пределами Англии. О нем узнают даже на тихоокеанском острове Самоа; живший там постоянно Роберт Луис Стивенсон пересказывал приключения Холмса островитянам и писал Конан Дойлу: «Если бы вы могли видеть их горящие лихорадочным огнем глаза, вы бы поняли, что такое настоящая слава». Уже в 90-х годах имя Холмса известно в каждом доме и, между прочим, используется в рекламе пилюль, ставших от этого популярными. Но такой славы у современного массового читателя и потребителя Дойл почти стыдится и в письме к матери замечает, что хорошо бы с Холмсом расстаться: «он не дает мне возможности сосредоточиться на моих лучших вещах».

В 1894 году выходит сборник «Воспоминания Шерлока Холмса», включивший одиннадцать рассказов. Здесь и «Серебряный», и «Обряд дома Месгрейвов», и рассказ «Последнее дело Холмса». Но еще за год до этого Дойл твердо решил, что скоро «джентльмен исчезнет навсегда». И действительно, почти на десять лет Конан Дойл забывает о Шерлоке Холмсе. Писатель по-прежнему много работает. Выходят его рассказы о бригадире Жераре, романы и повести «Родни Стоун», «Дядя Бернак»,

«Трагедия «Корроско», и они пользуются успехом, однако не могут, по мнению читателей, возместить им потерю Шерлока Холмса. Когда же автор возвратит Холмса из небытия? Нет нужды, что злодей профессор Мориарти увлек его с собой на дно горной пропасти, куда низвергается Райхенбахский водопад. Не может ли Дойл воскресить Шерлока Холмса? «Вы злодей», — обвиняет Конан Дойла читательница, расстроенная безвременной смертью сыщика в Альпах. Ведь писатель, по общему мнению, убил не «бумажного» литературного героя, а одного из самых замечательных современников. После Малютки Нелл, двенадцатилетней героини «Лавки древностей» Чарлза Диккенса, ни о ком так не печалились читатели-англичане, как о Шерлоке Холмсе. В знак печали молодые читатели-энтузиасты надели по Холмсу траур. Интересно, однако, что тогдашний редактор журнала «Панч» пронизательно заметил в предновогоднем номере от 30 декабря 1893 года: «Нет никаких свидетелей-очевидцев смерти великого сыщика-любителя, слова которых подтвердили бы то, что описано на страницах «Стрэнда»... В чем символический смысл альпенштока с крючком на конце, оставленном им на скале? Почему он оставил его и что означает сей крючок?., то что Холмс вновь появится, в этом ни один знаток детективных историй и анналов, запечатлевших преступления, сомневаться не должен. Возможно, он «упал» лишь со страниц «Стрэнда» и вполне

вероятно, что под каким-нибудь новым именем сыщик вновь появится на страницах другого издания».

«Нет, он на дне водопада, пусть там и остается», — отвечает Конан Дойл многочисленным ходатаям, обиженный тем, что для читателей он, прежде всего, автор детективных рассказов. Но «демон с Бейкер-стрит» неустанно и повсеместно преследует Дойла. Первый вопрос, который ему задают, когда он приезжает в Америку, — о Шерлоке Холмсе. В Египте «Приключения Шерлока Холмса» выпускаются как специальное учебное пособие для полицейских. Американский журналист Ричард Хардинг Дэвис выводит Холмса как действующее лицо в своем романе «В туман». И Конан Дойл сдается на неотвязные мольбы, упреки и напоминания и пишет одно из лучших своих произведений, повесть «Собака Баскервилей» (1902).

Вот как возник ее замысел. Молодой журналист Флетчер Робинсон в 1901 году, когда Дойл гостил у него в Девоншире, рассказал ему странную легенду о семействе Кэбеллов, владельцев одного из тамошних поместий. В XVII веке жил сэр Ричард Кэбелл, который был известен жестокостью и необузданностью нрава. К тому же он был невероятно ревнив и однажды, приревновав жену, стал угрожать ей всевозможными карами. Вырвавшись из рук разъяренного мужа, леди Кэбелл бросилась бежать. Путь ее лежал через болото. Сэр Ричард быстро догнал жену и убил ее охотничьим ножом. Вот тут и появилась собака, большая,

добрая и очень преданная. Собака бежала вслед за сэром Ричардом и, когда увидела, что он убил ее хозяйку, вцепилась ему в горло. Умиравшему Кэбеллу удалось смертельно ранить верного пса, а наутро окрестные жители обнаружили на болоте мертвые тела. Дойла и Робинсона вез в коляске кучер Гарри Баскервилл. Писатель, на которого рассказ произвел большое впечатление, попросил у Баскервилла позволения использовать его фамилию, если он захочет описать историю, и получил любезное согласие.

В 1903 году «Стрэнд» начинает печатать новую серию рассказов «Возвращение Шерлока Холмса». Оказывается, Холмс не погиб. В единоборстве с профессором Мориарти на краю пропасти он одержал победу, но теперь на его жизнь покушается ближайший сподвижник Мориарти, полковник Себастьян Моран, и Холмс два года скрывался под вымышленным именем, путешествовал по Тибету. Он побывал даже в гостях у далай-ламы и в самый нужный момент неожиданно объявился в Лондоне. Я напомним эту захватывающую сцену.

Уотсону докладывают, что его желает видеть посетитель. Оказывается, это старик, которому незадолго до этого на улице он помог собрать рассыпавшиеся книги. И вот теперь «странным, каркающим голосом» старик спрашивает, не купит ли доктор несколько редких книг: «Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?».

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я... несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка...

Дорогой мой Уотсон, — сказал хорошо знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас». Тринадцать рассказов «Возвращение Шерлока Холмса» печатались в «Стрэнде» с октября 1903 по октябрь 1904 года, а в феврале 1905 года вышли отдельной книгой, которая, как и предыдущие серии, давно стала почти антикварной редкостью. Здесь увидели свет «Пляшущие человечки», «Шесть Наполеонов» и «Пенсне в золотой оправе». Критики считают, что идея шрифта-«криптограммы» в виде пляшущих человечков, конечно, навеяна Дойлу рассказом «Золотой жук» Эдгара По.

Больше Конан Дойл со своим героем до конца жизни (своей) не расставался, хотя вскорости и «отправил» Холмса в отставку: примерно в декабре 1904 года Холмс переселился на ферму в Сассексе и занялся разведением пчел. Однако продолжали выходить рассказы-«воспоминания» — и Уотсона, и самого Холмса о его детективных подвигах сборники «Долина страха» (1914–1915),

«Его прощальный поклон» (1917), содержавшие все рассказы о Холмсе, опубликованные «Стрэндом» с 1893 по 1917 год, и выпущенный за три года до смерти А. Конан Дойла сборник «Архив Шерлока Холмса» (1927), где, в частности, присутствует замечательный рассказ «Чертежи Брюса-Партиingtonа».

Читатели соответственно не имели повода для жалоб, хотя писатель был очень опечален всей этой историей и еще много лет спустя жаловался: «Все в конце концов занимает свое заслуженное место, но, думается, если бы я ни строчки не написал о Холмсе, который теперь затмевает мои лучшие произведения, мое положение в литературе к настоящему времени было бы более выдающимся...» Он ошибался. Если сейчас, шестьдесят лет спустя после смерти Артура Конан Дойла, его помнят, перечитывают и экранизируют, то это, прежде всего, заслуга Шерлока Холмса, который с триумфом возвратился на Бейкер-стрит.

Но что же он собой представлял, наш любимый Шерлок Холмс, когда вместе с Уотсоном поселился в квартире из «двух удобных спален и просторной, светлой, уютно обставленной гостиной» на втором этаже дома 221 Б по Бейкер-стрит? В это время ему самое большее лет двадцать семь, да и Уотсон, кончивший в 1878 году Лондонский университет; а затем курсы хирургов, отправленный в Афганистан и вернувшийся в Англию после тяжелого ранения, ненамного старше. Стэмфорд уже успел подготовить Уотсона к знакомству с человеком необычным —

чудаковатым, эксцентричным, но это хотя и настораживает Уотсона, однако не пугает: ему хорошо известно, что эксцентричность — обычная черта английского характера, а чудаковатость прекрасно уживается с порядочностью. Но главная особенность Холмса — он все угадывает. Намеки и недоговоренности возбуждали любопытство Уотсона — он очень любопытен, это и сделает его таким незаменимым спутником для Сыщика.

Иллюстрация С. Пейджета к рассказам о Шерлоке Холмсе

Вот внешний облик Холмса: он очень высок и необычайно худ (профессор Белл), взгляд у него острый и пронизывающий, серые глаза, тонкий орлиный нос, квадратный решительный

подбородок и, по контрасту, удивительно деликатная манера обращения с предметами.

Уотсон методично и планомерно пытается «аттестовать» знания Холмса и потрясен, узнав, что Холмс никогда не слышал о Коперниковой теории Солнечной системы или философе, социологе и историке Томасе Карлейле, а его познания в литературе «равны нулю». Положим, Холмс явно «разыгрывает» наивного доктора. Потом он как бы между прочим цитирует Хафиза и Горация и толкует о романах Джорджа Мередита, вспоминает Данте и Петрарку, Гёте, Жорж Санд и Флобера, Карлейля и Жана Поля и вспоминает, что Дарвин говорил о музыке. А прикидывается он незнайкой для того, чтобы в свойственной ему наставительной манере прочитать Уотсону лекцию о том, как важно не забивать голову ненужными сведениями, которые вытесняют необходимые. Но доктор Уотсон и нуждается в наставлениях, то есть разъяснениях, он без них ни шагу, и еще поэтому он такой идеальный спутник для Холмса, который, наоборот, как истинный сын Разума должен постоянно кого-то просвещать, и Холмс любит и умеет это делать. Вот он внушает: «Каждое дело имеет моральную и интеллектуальную сторону, которые и надо выявить с помощью наблюдательности, — она — моя вторая натура, и искусства делать выводы», причем идти надо от простого к сложному, и Холмс излагает Уотсону, сначала настроенному скептически, а затем проникающемуся восхищением, свой замечательный

дедуктивный метод расследования и психологического анализа таинственных обстоятельств и поступков. Большинство людей могут сопоставить факты и сделать напрашивающийся из сопоставления вывод, «но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными или аналитическими рассуждениями». Все расследование Холмса представляет собой цепь непрерывных и безошибочных логических умозаключений. Большое значение он придает в расследованиях элементу необычного и странного, которое часто и есть необходимое ключевое звено в ходе расследования: «...истина... лежит где-то в области удивительного и маловероятного», — утверждает Холмс.

Его метод зиждется на точном, достоверном знании. Огромна его эрудиция в области химии и психологии. В его памяти запечатлелась вся уголовная хроника за несколько столетий. А кроме того, он отлично фехтует, он — чемпион по боксу и хорошо играет на скрипке. Однако более всего ему близко «искусство делать выводы», анализировать. И свою теорию Холмс блистательно подтверждает на практике. Даже не выходя из комнаты, он может при помощи всемогущей дедукции распутать клубок таинственных и непонятных причин и помочь людям, попавшим в беду и жаждущим его совета. Поэтому он — главный сыщик-консультант и в Англии, и в остальном мире. Когда полиция

сталкивается с особенно запутанным делом, за помощью обращаются к Шерлоку Холмсу.

...Таинственное убийство в Лористон-Гарден на Брикстон-роуд. Рядом с мертвым телом — золотое обручальное кольцо и кровавая надпись на стене: «Rache». Самоуверенный сыскной инспектор Скотланд-Ярда Лестрейд уже составил свою, как всегда легковесную, версию преступления. Убийца — женщина, ведь буквы «Rache» — часть имени Rachel, Рэчел. Иным путем — тщательного изучения самых незначительных мелочей — идет Шерлок Холмс. И он, конечно, прав: слово «Rache» по-немецки — месть. И мститель — мужчина. Метод не подвел, но прессе невдомек, что слава разгадки криминальной тайны принадлежит Холмсу. Он, как всегда, в тени, а лавры достаются другим. Бойкий журналист даже советует сыщику-любителю, «некоему мистеру Шерлоку Холмсу», поучиться у мистера Грегсона и мистера Лестрейда искусству раскрытия преступлений. Хорошо еще, что Уотсон, возмущенный такой несправедливостью, запечатлел факты в повести с интригующим названием «Этюд в багровых тонах» и «публика о них узнает».

Одна из особенностей дедуктивного метода Холмса и тут мы сразу же вспоминаем Огюста Дюпена — умение мысленно поставить себя на место действующего лица, для начала уяснив себе его умственный уровень. В деле исчезновения дворецкого Брайтона, человека очень умного и способного, Холмс встречается с

достойным противником. Брайтон далеко превосходит сообразительностью своего знатного хозяина, которому невдомек, какие потрясающие сведения содержатся в старом, пожелтевшем от времени тексте с описанием так называемого обряда дома Месгрейвов.

В бесконечной войне с преступлениями Холмсу приходится сталкиваться с людьми разного звания. Инспектор рейгетской полиции и помыслить не смеет, что именно два почтенных сельских помещика — убийцы и отъявленные негодяи, но у Холмса нет предвзятых мнений, он «послушно идет за фактами» и обличает преступников, отца и сына, надменного Алека Каннингема. Он с самого начала не внушал Холмсу уважения, но это не значит, что Холмс может поддаться чувству антипатии к человеку и только на этом основании заподозрить в нем преступника, как это бывает, например, с Лестрейдом. И — напротив: уж насколько неприятен и подозрителен учитель Ян Мэрдок и так похож на преступника, убившего своего коллегу Макферсона! Но нет, Ян Мэрдок не виновен. Тогда кто же? Холмс обнаруживает убийцу с помощью своей богатейшей памяти и широкой начитанности. Виновник трагедии — морское чудовище *Suanea Capillata*, «львиная грива», напавшее на морском берегу на Макферсона, а потом и на Мэрдока...

По, как известно, называл свои рассказы «логическими». Огюст Дюпен считал, что нет таких таинственных обстоятельств,

которые не мог бы разгадать логически мыслящий человек, следующий путем строгого изучения фактов. Но так же считает и Шерлок Холмс. При этом он обращает особое внимание на то, что называет «ключом к загадке». Среди обстоятельств расследуемой ситуации всегда есть одно, ключевое. Оно может показаться на первый взгляд несущественным и даже ничтожным. Сила ума Холмса (как и его предшественника) в том и состоит, что при помощи последовательно-логических, или дедуктивных, умозаключений он неминуемо выделяет ключевое, главное обстоятельство из массы остальных и таким образом находит истину.

Однако искусство логически мыслить — не все в сыщицком деле. Надо к тому же обладать воображением, способным воссоздать тончайшую психологическую картину преступления. А это умеет далеко не каждый (и тут мы опять вспоминаем Дюпена и его веру в интуицию, которая приходит на помощь логике). Инспектор Грегори, расследующий причины исчезновения знаменитого фаворита бегов, рысака Серебряного, — человек очень энергичный. «Одари его природа еще и воображением, — замечает Холмс, — он мог бы достичь вершин следовательского искусства». Некоторые подробности происшествия Грегори прояснил довольно быстро, но лишь воображение могло установить между фактами связь и зависимость. Это удастся только Холмсу, и вот владелец рысака, полковник Росс, поражается: как Холмс

неукоснительно и точно, шаг за шагом, восстановил перед слушателями всю историю преступления, словно был его очевидцем.

Чудодейственный метод Холмса приобретает в наших глазах дополнительное преимущество еще и потому, что сам Холмс не просто умный, талантливый человек, как, например, Дюпен; он не только умен и проницателен, смел и мужествен, он еще и добр, и бескорыстен. Ему далеко не безразлично, что большинство преступлений, которые он расследует, совершены из алчности и эгоизма.

Между наследством и наследником — «всего лишь два человека», по словам хитроумного преступника, и он, не задумываясь, готовит родственникам изошренно жестокую гибель, используя предание о страшной собаке, «исчадии ада» («Собака Баскервилей»), Отец покушается на рассудок и жизнь дочери. Она давно отдала ему свои деньги, но собирается выйти замуж, и, кто знает, может быть, будущий муж вступится за права жены, и отец разлучает дочь с женихом, держит ее взаперти и угрожает страшной мезтью молоденькой, но храброй гувернантке, которая хочет проникнуть в тайну злодея («Медные буки»). Большая часть преступления проистекает из жадности к деньгам, из эгоизма, из пренебрежения законными интересами и правами другого человека, причем виновные — все люди респектабельные, иногда даже из высших слоев общества. Но если полиция выступает как защитница прав и привилегий прежде всего этих слоев, их доходов, их

благополучия, то Холмса в первую очередь волнует необходимость восстановить справедливость. Он потому еще так силен, удачлив и обаятелен, что сам он как бы изъят автором из ожесточенной схватки вокруг золотого тельца. Он равнодушен к деньгам, хотя не богат. Ему только-только хватает, чтобы жить в скромном комфорте, деля расходы пополам с Уотсоном. Он редко позволяет себе взять с клиента гонорар — да и то у знатных вельмож. А с бедняков Шерлок Холмс платы не берет — и в этом есть даже что-то робингудовское. Холмс всегда доступен, дверь его дома открыта для всех нуждающихся, к какому бы классу общества они ни принадлежали. Утром он получает письма с просьбой о помощи от торговца рыбой и таможенного чиновника, а вечером от лорда Сент-Саймона, потомка «Плантагенетов по мужской линии и Тюдоров — по женской», и, между прочим, замечает: «...в большинстве случаев, чем скромнее автор письма, тем интереснее письмо». Главное — желание помочь, а не гонорар.

Мисс Вайолет Хантер, гувернантка из рассказа «Медные буки», не может заплатить ему за помощь, о которой просит, да Холмс, проникнувшийся симпатией к храброй и доброй девушке, никогда не возьмет у нее денег, как не взял бы у собственной сестры.

Английские историки и социологи считают, что преступность в Лондоне 80–90-х годов прошлого века (время самой активной деятельности Шерлока Холмса) была очень велика и что

исходила она, прежде всего, из рабочих районов города. Нигде в рассказах Дойла мы не найдем этого утверждения. Правда, только однажды мы встречаем описание рабочего предместья и его жителей: «Скоро мы очутились в бесконечном лабиринте улиц... полных... заводскими рабочими и докерами. Неряшливого вида женщины открывали ставни и подметали ступеньки у входа. В кабачке... жизнь кипела уже вовсю, то и дело из него появлялись бородатые мужчины, вытирая рот рукавом после утреннего возлияния. Бродячие собаки провожали нас любопытным взглядом». И Холмс говорит о докерах: «Какие они усталые и грязные. Но в каждом горит искра бессмертного огня!» Этот бессмертный огонь — разум и чувство собственного достоинства, и Холмс мечтает о том времени, когда Англия станет «просвещенной страной», и вместе с просвещенностью смягчатся и исправятся нравы. Скептик Холмс, который, беря скрипку, надеется на полчаса забыть об «отвратительных поступках наших ближних», человечен: он враг преступления (но — не преступника), он — друг невиновного. В противоположность, например, Лестрейду, он склонен верить лучшему, а не худшему в человеке. Лестрейд всегда словно ищет кратчайший путь, каким можно привести подозреваемого на скамью подсудимых, и часто довольствуется поверхностными соображениями. А если улики кажутся ему непроверяемыми, он готов заранее торжествовать победу, как в случае с молодым Макфарлейном, которого

обвиняют в убийстве человека, завещавшего ему состояние. Лестрейд закрывает глаза на все факты, свидетельствующие в пользу обвиняемого, и только благодаря изумительной проницательности и опыту Холмса, а главное — его твердому намерению не допустить казни невиновного человека (в том, что Макфарлейн не виноват, Холмс, глубокий психолог, убежден) — ему удается спасти молодого человека от виселицы, изобличив преступный замысел мнимого благодетеля, а заодно и посрамив Лестрейда. Да, конечно, и в этом Дойл наследует По: между полицейскими «ищейками» и частным сыщиком-консультантом, к которому они в трудный момент прибегают за советом и которого, добившись с его помощью победы, пренебрежительно именуют «любителем», существует постоянное соперничество. И Холмс снова и снова доказывает свое превосходство. Он не жалеет «парфянских стрел», метящих в самоуверенность, ограниченность, легковерие полицейских.

Но и сам Холмс не лишен слабостей. Уотсон замечает, например, что Холмс любит похвастаться: «На свете нет и не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений столько врожденного таланта и упорного труда, как я»; он очень чувствителен к похвале — «розовеет, как девушка, красоте которой сделали комплимент», он даже тщеславен и просто обожает театральные эффекты! При первой же встрече с Уотсоном, демонстрируя только что полученный реактив, который позволяет

устанавливать наличие кровавых пятен, он без ложной скромности возглашает: «Теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и всем затруднениям конец! — Глаза его блеснули, он приложил руку к груди и поклонился, словно отвечая на аплодисменты воображаемой толпы». А вышеупомянутая сцена, когда Шерлок Холмс, внезапно и эффектно возникнув из небытия, повергает Уотсона в беспамятство? Вот и Лестрейда, и Грегсона, и Этелни Джонса, и Грегори, и прочих полицейских служаек Холмс любит ошеломить виртуозно разыгранным «финалом» очередного дела. Однако Холмс не просто талантливый актер, он — артист, истинный художник по натуре, его постоянно томит жажда новых свершений и новых успехов, а его ненависть к преступлению, низости, подлости, алчности, своекорыстию теснейшим образом связана с любовью к прекрасному: будь то благородство человека, его смелость, доброта и надежность, или музыка Шопена, или цветущая роза — «пока есть цветы, человек может надеяться», — говорит он Уотсону.

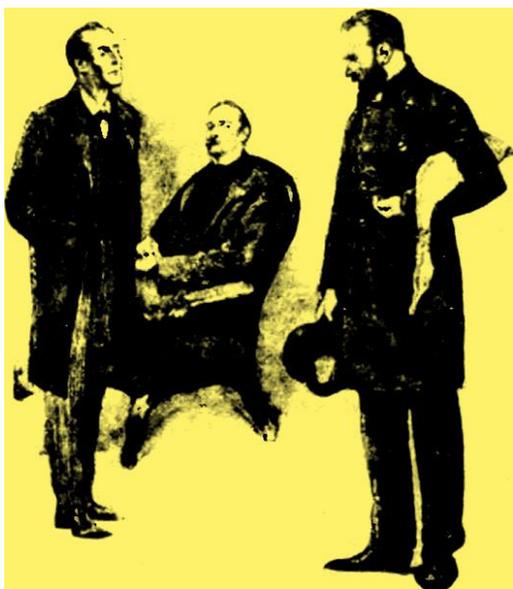

Иллюстрация С. Пейджета к рассказу «Голубой карбункул»

И в то же время как истинный художник он разносторонен и непредсказуем. Вообще-то Уотсону не очень легко постичь характер Холмса, — столь он сложен и противоречив. Так, доктор утверждает, что натура Холмса бесстрастна и холодна, и в доказательство цитирует слова самого сыщика: «Эмоции враждебны чистому мышлению», а потом ссылается на то, что Холмс «говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой». Уотсон, полюбивший милую Мэри Морстен и женившийся на ней, хотел бы по доброте душевной такого же домашнего счастья и уюта и для Холмса. Ему даже показалось, что у мисс Вайолет Хантер, отважной, находчивой и симпатично-веснушчатой, «как яйцо ржанки», есть шанс тронуть сердце Холмса, тем более что

он восхищается ее умом. Но нет, Уотсон ошибся, и Холмс, между прочим, все ему объяснил: «любовь — вещь эмоциональная... она противоположна чистому и холодному разуму... Я никогда не женюсь, чтобы не потерять ясности рассудка». Да и «Та женщина», Ирэн Адлер, фотографию которой Холмс попросил себе в награду у высочайшей особы, существует для него потому, что в борьбе умов она его победила («Скандал в Богемии»). И Уотсону ничего не остается как глубокомысленно констатировать: «...мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир... допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос...»

Однако тот же Уотсон весьма непоследовательно сообщает нам, что натура у Холмса «беспокойная и страстная», а это никак не вяжется с представлением о «думающей», великолепно отлаженной бесчувственной «машине». Вот только что Уотсон восхищался трезвым, цепким умом аналитика Холмса, его собранностью, сдержанностью, упорядоченностью его образа жизни. Он беспримерно работоспособен, сосредоточен и молчалив, но в следующее мгновение Уотсон его не узнает: Холмс — воплощенная, кипящая энергия. Он без умолку говорит, восхищается маленьким облачком, плывущим по небу, как «розовое перо гигантского фламинго». Холмс может целыми сутками, выслеживая

преступника и собирая улики, обходиться без сна и почти без еды, забывая напрочь о размеренности своих привычек: «Шерлок Холмс весь преображался, когда подходил к месту преступления. Люди, знающие бесстрастного мыслителя и логика с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его сейчас. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем. Брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены...»

Но вот расследование завершено, и Уотсон опять видит «бледного мечтателя», задумчиво, а порой и в унынии «перебирающего струны своей скрипки». Приветливый, доброжелательный Холмс обладает властным характером, да и остер на язык. Он не прочь иногда дать почувствовать свое умственное превосходство. А кроме того, поборник справедливости Холмс может быть и несправедлив к доброму доктору, и эгоистичен, и раздражать его... неаккуратностью: письма, на которые еще не отвечено, он пригвозждает к стене перочинным ножом, трубки держит в ведерке для угля, а табак — в персидской туфле без задника, кстати, еще одно, косвенное, свидетельство начитанности Холмса, на этот раз в поэзии. Он явно подражает герою стихотворения Р. Браунинга «Сходство» (*A Likeness*), холостяку, держащему табак в «шелковой туфле».

Когда Холмс в меланхолии, когда страдает от бездействия и целые дни проводит на диване, он надевает пурпурный халат. Для работы с химическими реактивами, для углубленных размышлений над очередной загадкой облачается в халат серого, «мышинного» цвета. Для каждого настроения у заядлого курильщика Холмса — своя особая трубка. Обдумывает самые сложные хитросплетения очередного дела — во рту глиняная, для размышлений более спокойных и длительных скорее подходит пенковая, а когда ему хочется поспорить с Уотсоном, он выбирает трубку из вишневого дерева (кстати, она потом «по наследству» перейдет к Мегрэ, будет подарком его преданной жены). Когда он стремится найти объяснение тайны, Холмс курит целые дни напролет, и голубые клубы дыма окутывают его с ног до головы, как восточного факира. Тогда деликатный доктор покидает их скромную квартиру: нельзя мешать Холмсу в часы самой напряженной умственной работы.

Шерлок Холмс — во всем на особицу, он — индивидуальность, исключительная личность, он — сам по себе. То, что Конан Дойлу не удалось соединить в Томе Димсдейле — необычайность и трезвомыслящую обыкновенность, — он очень мудро воплотил в двух разных героях. Причем оригинальность и необыкновенность Холмса, героя романтического склада, удивительно реальны и достоверны, а житейская положительная трезвость Уотсона столь же искусно соединена с самыми высокими

рыцарственными доблестями, что производит довольно романтическое впечатление. Он добр, стоек, надежен, изменить или измениться он не может. Если Холмс изменяется, то по ходу шерлокианы, а вернее сказать, раскрывается перед нами как личность, и мы узнаем о все новых его чертах и особенностях. Уотсон, напротив, все тот же, словно раз навсегда закрепленная автором «точка опоры», точка наблюдения за главным героем повествования.

Мы смотрим на Сыщика глазами доктора. Его восхищение Холмсом передается и нам. Наверное, и потому, что Холмс удовлетворяет истинно человеческой потребности восхищаться умением разрешать все проблемы. То, что Конан Дойл одновременно работал над «Белым отрядом» и рассказами о Холмсе, не могло не наложить на сыщика особого отпечатка. Напрасно писатель удивлялся и сетовал, что Холмс заслоняет собой других его героев, Холмс был связан с этими другими не такими уж потаенными нитями. Холмс — тоже рыцарь, защитник и надежда. Мысль, что он есть, — утешает точно так же, как утешают сказки с их обязательным торжеством добра над злом. В средние века так, наверное, читали рыцарские романы, герой которых помогал, награждал, наказывал, защищал, вызволял, спасал, соединял, — и Шерлок Холмс наделен тем же могуществом.

Романтическое и героическое в нем — то, что в обычную жизнь обычного читателя он вносит столь необходимый каждому

отблеск человеческого совершенства, величие души, благородства, надежности, горделивой свободы воли и уверенности в победоносной силе справедливости. При этом, в отличие от Дон-Кихота, Холмс знает мир и людей. В нем есть что-то от сказочного героя, бесстрашного и доблестного, который остается самим собой перед королями и рад поучить или проучить их. Между прочим, Холмс явно недолгоблывает сильных мира сего. Он «не заметил» протянутой руки короля Богемии, предавшего бывшую возлюбленную. А вот как он разговаривает с герцогом Солтайром, замешанным в похищении собственного сына и обещавшим крупную награду тому, кто найдет мальчика.

«...Мне известно, где находится ваш сын, и я... знаю человека, который держит его у себя...

Герцог откинулся на спинку кресла.

— Кого вы обвиняете?

Ответ Холмса поразил меня. Он стремительно шагнул вперед и коснулся рукой плеча герцога.

— Я обвиняю вас...»

Холмс — человек практики, реального, насущного и каждодневно необходимого дела. На Холмса можно положиться, довериться абсолютно, он — героически непреклонный поборник прав личности.

Если Холмс вступает в бой, мы знаем, он победит. Такое не может не привлекать сердца. Он всегда на уровне справедливости

и в ее интересах поднимается над законом. Вот Холмс решает проникнуть в дом злодея-шантажиста Чарлза Милвертона. На его совести много разбитых жизней и сердец, он умеет использовать ошибки и прегрешения людей против них самих, и, если у них нет денег откупиться от вымогателя, они обречены на крушение надежд, бесчестье, позор. Милвертон способен, например, сообщить мужу о первой, еще девической любви жены и послать вещественное доказательство — интимные письма прежнему возлюбленному, — если, конечно, жертва шантажа не заплатит ему очень круглую сумму. И вот как Холмс объясняет Уотсону намерение выкрасть у Милвертона все компрометирующие многих людей документы и свою этическую позицию: «С точки зрения моральной мой замысел оправдан, я совершу преступление только в глазах закона. Ограбить дом Милвертона это не более чем отобрать у него силой записную книжку... А раз поступок с моральной точки зрения законен, остается только личный риск». Но Холмсу читатель все прощает, даже вторжение в чужой дом, а дом англичанина, как известно, его крепость. Тем более что Холмс, как настоящий рыцарь, спасает при этом честь, счастье, жизнь женщины. Но разве не так же все прощается сказочному герою? Итак, Холмс и Уотсон получают прощение за противозаконные действия, за то, что похитили и уничтожили записи Милвертона — список подлежащих очередному шантажу. Более того, спрятавшись за портьерой, Холмс и Уотсон становятся

свидетелями его убийства. Одна из жертв Милвертона пришла рассчитаться с ним. Раздается револьверный выстрел, но Холмс повелительно сжимает руку Уотсону. «Я понял, что означает его твердое рукопожатие... правосудие, наконец, настигло мерзавца, у нас свои обязанности и свои дела», и посетительница-убийца беспрепятственно уходит, а Холмс бросает в огонь все бумаги, что хранились в сейфе.

Шерлок Холмс поднимается над законом и в «Голубом карбункуле», вернее — над максималистским бездушием закона. Холмс помогает полиции в расследовании преступления, но не делается карающим орудием закона. Когда служащий отеля Райдер, укравший алмаз из шкатулки графини Моркар и уличенный Холмсом, умоляет не доводить дело до суда и клянется, рыдая, что больше никогда не станет воровать, Холмс сурово отчитывает его, а потом прогоняет и говорит Уотсону: «Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу. С этим молодцом ничего подобного не повторится — он слишком напуган. Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь...»

А как бы поступили на его месте Пуаро и Мегрэ? Об этом — ниже, но сразу надо сказать, что Холмс чувствует себя человеком, независимым от системы, и соответственно поступает как человек независимый. Он сам «свой высший суд» в таких делах. А в рассказе «Убийство в Эбби-Грейндж» он берет на себя роль Высшего судьи «в споре» между аристократом-мерзавцем Юстэсом

Брэкесталлом, мучающим свою жену, и капитаном Кроукером, влюбленным в молодую женщину и убившим изверга в честной схватке: «Видите, у меня на руке след его первого удара, — говорит он Холмсу, — мой удар был вторым... На карту были поставлены жизни, его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он жив, он бы убил ее. А что бы сделали вы на моем месте?»

Нет, Холмс не убил бы. Дойл очень тактично и мудро не скомпрометировал Холмса убийством человека — даже «Наполеона преступного мира», профессора Мориарти, с которым он борется не на жизнь, а на смерть. Мориарти погибает потому, что не мог удержать равновесие на краю пропасти. Вот почему Холмс наделен высшей властью судить и решать. Холмс признает Кроукера невиновным и отпускает на все четыре стороны как милостивый сеньор вассала, повелевая: «Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора».

Да, Холмс выше закона и этим еще сильнее располагает к себе читателя, ибо в сознании народа всегда живет вера, что Высший Суд и Высшая Справедливость парят над людским законом и Холмс их олицетворение. Вот почему до сих пор на Бейкер-стрит приходят письма от читателей, уверовавших в реальность холмсовского бытия и просящих у него помощи или совета. С самого начала Холмс был для читателя защитником и конечной

инстанцией справедливости — «истинным благодетелем человечества», по словам Уотсона.

Странная вещь: больше ста лет живые, реально существующие люди читают о подвигах Шерлока Холмса, человека, который никогда не существовал. Сменялись поколения читателей и многие погрузились во мрак, говоря опять же словами Уотсона, канули в Лету имена, чувства, поступки. А Шерлок Холмс живет, и забвение ему не угрожает, живет в реальности литературы и нашего сознания, в мире нашего воображения.

Вот, полуприкрыв глаза, с тем отрешенным видом, который у него всегда свидетельствует о самом напряженном внимании, Холмс слушает посетителя. После его ухода он обсуждает с Уотсоном услышанное. Затем начинается расследование. Холмс часто действует вместе с Уотсоном и параллельно с полицией, но истина устанавливается Холмсом самостоятельно и независимо. И вновь мы на Бейкер-стрит, где он все объясняет Уотсону. И как водится, милый Уотсон потом нам обо всем этом «расскажет», расскажет обстоятельно и восхищенно, а Холмс, небрежно перелистав его очередной, уже опубликованный «рассказик», опять станет шпынять бедного своего летописца за недостаточную точность — остроумный прием, если учесть, что таким образом Конан Дойл как бы вызывает критический огонь на себя и призывает читателей быть третейскими судьями, честно воспроизводя все упреки Холмса и все ответы Уотсона, возмущенного и

обиженного иронией и «придирчивостью» Сыщика. Литературный диалог о достоинствах детективного повествования будет потом вести со своим собеседником и миссис Ариадна Оливер у Кристи, и Мегрэ с Жоржем Симом.

А Холмс, действительно, строг и отпускает на счет добряка-энтузиаста всякие колкости. Главный его аргумент: сыщицкое дело и расследование преступлений — «точная наука», значит, и рассказывать надо соответственно: в сухой, бесстрастной манере, Уотсон же чересчур «сантиментален», а «это все равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю». Но как же обойтись доктору без «сантиментов»? Нельзя же из рассказа сделать лишь иллюстрацию детективного метода Холмса! А если в самой жизни возникла романтическая ситуация, описанная им в рассказе «Знак четырех»? Что же, обо всех этих захватывающих дух приключениях надо повествовать бесстрастно? Он не согласен! И Холмсу приходится признать, что, хотя Уотсон склонен изображать его деятельность в несколько «приукрашенном виде... самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необыкновенных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни», и еще: «вся изящная словесность с ее условностями и заранее предрешенными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной».

Но позвольте, может сказать читатель: такое энергическое славословие многокрасочности жизни и осуждение «тривиальности»

литературы можно было бы ожидать от Уотсона, склонного к «сантиментам», а не от трезвомыслящего логика Холмса! Однако в том-то и дело, что в данном случае устами Холмса глаголет сам «Уотсон» — Дойл. В Холмсе он воплотил свое возвышенное представление о человеке науки, овладевшем всеми тайнами профессии, и в то же время человеке, неподвластном авторитетам, независимом в суждениях и благородном в поступках. Он служит благополучию общества и защите отдельного человека, которому трудно, а подчас и невозможно противостоять в одиночку такой социальной болезни, как преступность. Холмс — Дон-Кихот, которому блистательно удается его миссия спасителя и защитника. Но у Дойла был, очевидно, еще один литературный пример для подражания, кроме Дон-Кихота, и это принц Флоризель, герой Роберта Луиса Стивенсона. У Стивенсона молодые герои («Алмаз раджи», 1882; «Динамитчики», 1886) находят настоящую романтику в жизни современного Лондона, с его специфической приключенческой атмосферой, криминальными тайнами, непредсказуемыми встречами и происшествиями и, конечно, любовью. Благородному честолюбию, страсти к приключениям и любви покровительствует у Стивенсона мудрый и рыцарственный Флоризель. Вот и Уотсон под водительством Холмса открывает для себя Лондон, захватывающий и яркий мир приключений и находит возлюбленную, которая становится его женой...

Иллюстрация С. Пейджета к рассказам о Шерлоке Холмсе

При жизни Конан Дойла многие читатели считали его воплощенным Уотсоном, и, действительно, портреты Дойла прямо указывают на их физическое «сходство». Другие же усматривали в Конан Дойле самого Шерлока Холмса. Однако он наделил своими чертами обоих героев. Великолепный знаток детективного жанра, писатель Джон Диксон Карр так сказал о Дойле: «Выйдя в широкий мир, он, как скала, встал против низости и несправедливости, и миллионы людей, которые не были с ним знакомы лично, все равно знали, как безупречен его кодекс чести, они чувствовали это по его произведениям». Так личность писателя и круг его интересов в значительной степени определили главное в

Шерлоке Холмсе. Да и сам писатель, который при начале шерлокианы запретил упоминать имя сыщика за обеденным столом — иначе неудержимо гневался, — позднее признавался сыну Адриану: «Если и существует на свете Холмс, то это я сам». Так что не только, с Белла, Кихота и Флоризеля был списан Шерлок Холмс, и от этого знаменитый сыщик-консультант стал еще интереснее и привлекательнее: его творец был справедливым, свободомыслящим и гуманным человеком. Он всегда, например, с осуждением относился к расовой нетерпимости. Так, он выступил в защиту несправедливо осужденного адвоката Джорджа Эдалджи, английского подданного, парса по национальности. Отец Джорджа стал английским священником, женился на англичанке и долгие годы служил викарием в деревне Грейт Уайрли, близ Бирмингема.

В Грейт Уайрли кто-то долгое время зверски увечил лошадей. Полиция получила несколько анонимных писем, которые обвиняли в преступлении Джорджа. Трудно сказать, почему начальник местной полиции Энсон сразу поверил, что убийца-садист — обязательно Джордж Эдалджи, и никто другой. Наверное, тут сказалась та «английская нелюбовь к иностранцам», о которой проницательно писал еще Диккенс в романе «Крошка Доррит», причем эта нелюбовь — отмечал Диккенс — свойственна всем слоям общества, беднейшим тоже. В романе это обитатели трущобного Подворья «Кровоточащее сердце», которые считают,

например, что «иностранцам в Англии делать нечего... Они никогда не задавались вопросом, — иронизирует Диккенс, — скольким их соотечественникам пришлось бы убраться из разных стран, если бы этот принцип получил всеобщее распространение».

Вот так же Энсон, очевидно, полагал, что ни достопочтенному Шапуриджи Эдалджи, ни его сыну в Англии делать нечего. Но священнослужителем, вернее, с церковными властями приходилось считаться, а Джордж был молодой человек — тихий, интеллигентный, очень близорукий, в очках, образованный, адвокат, то есть полагалось его называть мистер Эдалджи. А это было, наверное, особенно нестерпимо: не англичанин, иностранец, но социальным положением выше английских полицейских чинов. Подтасовав свидетельства, Энсон обвинил Эдалджи в убийстве очередного животного. Следствие было проведено пристрастно и небрежно, а доказательства сфабрикованы. Суд не принял во внимание то (и Лестрейд, наверное, поступил бы точно так же), что, когда Джордж содержался под стражей, еще одно животное стало жертвой зверского покушения. Суд, скорый и неправый, осудил Эдалджи на семь лет за убийство животных и рассылку анонимных писем — как это ни было абсурдно. Он пробыл в тюрьме три года, когда его вдруг, не сняв обвинения, потихоньку освободили, но репутация его оставалась запятнанной, и Джордж не мог опять заняться адвокатурой.

Артур Конан Дойл узнал о деле Эдалджи из газет и выступил в его защиту. Он, как Холмс, не мог по самой натуре своей мириться с несправедливостью. Если Дойлу становилось известно об акте несправедливости, этого было достаточно, чтобы он начал борьбу. Честный, порядочный человек обязан защищать невинного, особенно если он беззащитен и не может постоять сам за себя. Дойл встречается с Джорджем Эдалджи — специально приезжает для этого в Грейт Уайрли — и обнаруживает, что человек этот совсем, почти до беспомощности, близорук. Вот когдагодились познания Дойла в глазных болезнях. Он авторитетно доказывает, что молодой человек, почти ничего не видящий при дневном свете, разумеется, не мог в ночной темноте проделать трудный путь через заросли кустарника, железнодорожные пути, преодолеть впотьмах поле и даже увидеть животное, не то чтобы убить его. Конан Дойл печатает серию статей в газете «Дейли телеграф». Разве не напоминает дело Эдалджи, — негодует Дойл, — позорную травлю, которой французская реакция подвергла капитана Дрейфуса, клеветнически обвиненного в шпионаже? «Капитана Дрейфуса преследовали, потому что он еврей. В Англии козлом отпущения был сделан Эдалджи, потому что он парс». Была создана комиссия от министерства внутренних дел для вторичного рассмотрения судебной процедуры, и с Джорджа было снято обвинение в убийстве. Однако в министерстве были, очевидно, свои энсоны. Джорджа по-прежнему

обвиняли в распространении анонимных писем, которые дважды наводняли Грейт Уайрли с 1892 по 1895 год и спустя десять лет. Эти письма получала не только полиция, но и сам священник, а с 1906 года стал их получать и Дойл — именно тогда он включился в борьбу за Эдалджи. Так мыслимо ли, чтобы автором писем был сам подзащитный? Напрасно Дойл доказывал всю несообразность этого обвинения. Напрасно он проделал огромную следовательскую работу и установил личность настоящего преступника, который убивал животных и рассылал письма с угрозами против «всех черных и желтых евреев», а к ним анонимный клеветник относил и семейство Эдалджи. Власти оказались глухи к протестам Дойла и не приняли во внимание его работу. Может быть, потому что также не любили иностранцев, может быть, просто не желали выплатить Джорджу Эдалджи денежную компенсацию за три года безвинного заключения, а может быть, — и то и другое. И все-таки это была победа. Главное обвинение было снято, и Джордж опять мог заняться адвокатской практикой.

К писателю не однажды обращались за помощью. Так, медсестра Джоан Пейнтер просила его найти ее пропавшего жениха: «Я вам пишу потому, что никто другой мне не поможет и я не могу нанять сыщика, у меня нет денег». И Дойл, конечно, помог. Он же сделал все, чтобы вызволить из тюрьмы человека, обвиненного в убийстве и грабеже.

...Как-то служанка одной шотландской леди вышла из дому за газетой. Отсутствовала она очень недолго, а когда вернулась, то застала у входа в квартиру соседа с верхнего этажа. Он был встревожен шумом, доносившимся снизу, и спустился, чтобы справиться о причине. Служанка открыла дверь, они вошли, и в то же время из комнат показался молодой человек, столь стремительно мелькнувший мимо них, что разглядеть его они не успели. Страшное зрелище ожидало вошедших. Хозяйка с размозженной головой лежала у камина. Из шкатулки была похищена бриллиантовая брошь. Подозрение пало на некоего Оскара Слейтера, хотя свидетели не могли с уверенностью утверждать, что это тот самый молодой человек, а брошь, которую он незадолго перед этим заложил, была не похожа на похищенную. Слейтер был осужден на смертную казнь, но все же, очевидно, за недостаточностью улик виселица была заменена пожизненным заключением.

Ознакомившись с делом Слейтера, Конан Дойл высказал уверенность, что тот не виноват. Как мог он в этот злосчастный вечер проникнуть в запертый дом? Хозяйка, очевидно, сама открыла дверь, но вряд ли бы она впустила незнакомого человека. Следовало предположить, что она знала пришедшего (так это и оказалось впоследствии), а Слейтер никогда не встречался с погибшей. Убеденный в его невиновности, писатель долго, однако, не мог добиться пересмотра дела. Это ему удалось только через двадцать

лет. Двадцать лет Слейтер томился в заключении, но все-таки вышел на волю благодаря Конан Дойлу. «Воскреситель разбитых надежд» — так стали его называть...

Готовность помочь ближнему — что может быть дороже для людей? Не потому ли Шерлок Холмс завладел сердцами читателей? И так велика тяга к добру и справедливости, что человек, которого никогда не было, стал живее и реальнее людей действительно существовавших. Вот почему неутешная читательница некогда бросила Дойлу обвинение в злодейском убийстве Холмса. Вот почему в 1924 году исследователь Г. Б. Смит публикует статью «Шерлок Холмс раскрывает тайну Эдвина Друда», так велика его вера в дедуктивную мощь гениального холмсовского разума, которому под силу разрешить одну из литературных детективных загадок, оставленных нам в наследство XIX веком. Шерлок Холмс решил вопрос, убит ли Эдвин Друд и кто его убийца (большинство читателей уверены и сейчас, что Эдвина убил его дядя, соборный регент Джон Джаспер, и положил труп в старинный саркофаг в соборе, после чего забросал тело негашеной известью. Известь сделала свое уничтожающее дело, но оказалась бессильна против золотого кольца, о существовании которого Джаспер не знал, а оно-то и послужило потом главной уликой против злодея).

Холмс думает иначе: в момент, когда Джаспер хотел задушить племянника, он впал в наркотическое опьянение (соборный

регент курил опиум), и Эдвину удалось избежать смерти. Но, придя в себя, Джаспер решил, что задуманное исполнил, — то есть убил и спрятал тело в саркофаг. Ощущение реальности вымышленного действия потому у него так остро, что он не раз грезил в опиумных галлюцинациях, как это черное дело совершит. Итак, Эдвин жив, а Джаспер, мучимый угрызениями совести, спустился в подземелье и у гробницы видит живого Эдвина. Для Г. Б. Смита Шерлок Холмс был тоже реальной, живой личностью. Пусть он в отставке и поселился на ферме в Сассексе, ум его по-прежнему силен и пронизателен.

И столь же реальной фигурой Холмс был для некой почтенной дамы «со старомодными привычками и спокойным характером», которая через Дойла предложила Холмсу свои услуги в качестве домоправительницы. Она еще не знала, что домоправительница у Холмса есть, верная и заботливая, бывшая его квартирная хозяйка миссис Хадсон. И она не только вела его хозяйство. Она еще и помогала своему необыкновенному хозяину в его самом патриотическом подвиге, запечатленном в новелле «Его прощальный поклон», где Холмс-Отлемент опять перехитрил противника, на этот раз вражескую разведку, в чем ему очень помогли и «шофер» — Уотсон, и «служанка» Марта, «олицетворение Британии». И хотя в новелле не сказано, что эта старая служанка и есть миссис Хадсон, читатель в этом совершенно уверен и мысленно рисует «маленькое владение» в Сассексе, где

хозяйничают Холмс, его экономка и пчелы. Так что, домоправительница Холмсу не потребовалась, о чем Дойл, очевидно, и уведомил леди «со старомодными привычками и спокойным характером».

Интересна портретная галерея шерлокианы. Одним из первых и самым известным из ее иллюстраторов был художник Сидни Пейджет, оставивший нам классическое изображение Великого Сыщика. Он иллюстрировал в «Стрэнде» шерлокиану тринадцать лет, с 1891 года, когда там публиковали «Приключения Шерлока Холмса», до «Возвращения Шерлока Холмса» (1904). Его иллюстрации сыграли огромную роль в утверждении канонического портретного образа Холмса — орлиный профиль, неизменная трубка во рту, охотничья шапочка, и все это, по мнению тогдашних читателей, удивительно совпадало с его словесным портретом, созданным Дойлом. Моделью художнику послужил его младший брат, Уолтер Пейджет, а когда Сидни умер, Уолтеру, тоже художнику, «Стрэнд» предложил иллюстрировать последующие выпуски шерлокианы. В Америке лучшим холмсовским портретистом считается Фредерик Дорр Стил, который тоже писал «с натуры»: ему позировал актер Уильям Джиллет — Шерлок Холмс XIX века.

Как полагаются знаменитости, Шерлок Холмс и вся шерлокиана стали объектом пародий, анекдотов и шуток. Первые пародии появились почти сразу же после того, как «Стрэнд» стал печатать

«Приключения Шерлока Холмса». Тут же в 1892 году в юмористическом журнале «Ленивец» была опубликована пародия «Приключения Шерло Комбса»⁴, а в 1893-м в «Панче» появились «Приключения Пиклока Хоулса»⁵. Одна из наиболее известных пародийных бурлесков, «Украденный портсигар», принадлежала американскому писателю Брету Гарту, кстати, мастеру литературных пародий. Вот, например, брет-гартовский Уотсон рассказывает: «Я застал Хемлока⁶ Джонса в старой квартире на Брукстрит в размышлении у камина. Пользуясь правами старого друга, я мгновенно повергся в привычное положение у ног кумира и ласково погладил его ботинок.

— Дождь идет, — сказал он, не поднимая головы.

— Значит, вы сегодня выходили из дому? — спросил я быстро.

— Нет, но у вас зонтик мокрый, а на плаще капельки воды.

Я был ошеломлен такой пронизательностью».

Марк Твен написал не очень удачную, по мнению критиков, пародию «Двустволка и сыщик». Свою литературную лепту в пародирование шерлокианы внесли О. Генри, С. Ликок, А. А. Милн, Агата Кристи. Многие писатели проявили изобретательность в переименовании на комический лад знаменитого

⁴ Comb — щетка (англ).

⁵ Hole — дыра (англ.).

⁶ Hemlock. — ядовитое корневище (англ.).

имени, так был еще «герой» по имени Финлок Боунс, а Уотсон именовался, кроме Потсона, Джобсоном, Хобсоном⁷ и так далее.

Иллюстрация С. Пейджета к рассказу «Пестрая лента»

Возникла настоящая холмсовская литературная индустрия, появилось, в частности, множество книг, посвященных не только литературно-художественным достоинствам рассказов, но самой личности этого вымышленного и такого реального для нас героя. Есть биографии Шерлока Холмса, исследования, посвященные Лондону времен Шерлока Холмса, с картами, точнейшим образом воспроизводящими его лондонские маршруты и поездки по всей Англии. Есть «подделки», то есть многочисленные попытки рассказать о детективных подвигах Холмса, о которых Уотсон

⁷ Bone — кость; job — дело; hob — крючок; to hob — причинять неприятности, «зацепить» (англ.).

только упоминает. Есть стихи, «написанные» Холмсом в честь его доброй хозяйки миссис Марты Хадсон. И есть шуточные строки, преподнесенные миссис Уотсон мужу, доктору Джону или «Джеймсу», Уотсону — как она однажды, по забывчивости Конан Дойла, назвала мужа в одном из рассказов шерлокианы. Есть книги, расследующие родословную Холмса, авторы которых пытаются пролить свет на такой, например, таинственный период жизни Холмса, когда после Кембриджа он проживал на Монтегю-стрит. И не один! Обнаружили таинственную миссис Холмс, жену Шерлока, хотя, со слов Уотсона, известно, что Холмс жениться не собирался и вообще «женщин не любил и не доверял им». «Биографы» Холмса по крупицам собрали скудные сведения, которыми, по воле автора, Холмс поделился с Уотсоном, учли все его обмолвки, недоговоренности и даже умолчания, проанализировав их и тоже пустив в дело. В одной из таких биографических работ, принадлежащей американцу Майклу Харрисону, указывается дата рождения будущего Великого Сыщика — 6 января 1854 года и даже, для пущей убедительности, читателю сообщается, что в тот знаменательный день стоял сильный мороз... Появляются и научные исследования шерлокианы. Поэт Фрэнк Сиджвик предпринял его в очень оригинальной форме открытого письма Уотсону, напечатанного в журнале «Кембридж Ревью». Сиджвик нашел некоторые «неувязки» в «Собаке Баскервилей», а также обрушился на Уотсона за небрежность в

хронологии: «вы не могли жить на Бейкер-стрит в указанное время, так как в «Знаке четырех» вы сделали предложение мисс Мери Морстен. Это было в сентябре 1888 года, а спустя несколько месяцев вы опять очутились на Бейкер-стрит и в холостяцком состоянии».

Иллюстрация С. Пейджета к рассказам о Шерлоке Холмсе

В 1911 году специалист по детективной литературе Ричард Нокс опубликовал «Исследование литературы, посвященной Шерлоку Холмсу». Среди многочисленнейших статей, эссе, книг о Холмсе и Уотсоне следует отметить: «Шерлок Холмс и доктор Уотсон, летопись их приключений» Х. У. Белла (1931), «Шерлок Холмс: факт и вымысел» Х. Блэкенли (1932), «Личная Жизнь Шерлока Холмса» Винсента Старретта (1934), «Биография Уотсона» С. К. Робертса (1934). Майкл Харрисон, дотошно «высчитавший» не только дату рождения Холмса, но и то, например,

когда он пригласил в экономки миссис Хадсон — оказывается, через год после приобретения фермы в Сассексе, и написал «Мемуары» Холмса: «Я, Шерлок Холмс» (1973), в которых Великий Сыщик повествует, между прочим, о своем путешествии в Одессу по тайному поручению Майкрофта Холмса, об аудиенции у царя, а также — о беседе с королевой Викторией, которую интриговал вопрос, почему Холмс не женится. Кстати, другой, не менее чем Харрисон, дотошный «биограф» Холмса «вычислил» единственный любовный эпизод в его жизни. Когда 4 мая 1891 года Холмс чудом избежал смерти в единоборстве с Мориарти и затем ускользнул от мести Морана, он некоторое время скрывался на вилле у Ирэн Адлер (героини «Скандала в Богемии»). Они страстно полюбили друг друга, и в 1892 году у Ирэн родился сын, которого нарекли Шерлок Джон Хэмиш⁸ Майкрофт Верне⁹ Холмс-Адлер... Вот так читатели из числа исследователей давали волю воображению, в щедрости своей наделяя нашего героя и счастьем любви, опасаясь, очевидно, что Великому Сыщику будет слишком одиноко в холодных эмпиреях духа, где он царит над грешным человечеством.

А однажды Холмс даже вступил в законный брак, правда только в пьесе, которую написал американский актер Уильям Джиллет, сам исполнявший главную роль. Но вначале пьесу о

⁸ Джон Хэмиш — полное имя д-ра Уотсона.

⁹ В родословной Холмса «значится» французский художник Верне.

Холмсе написал Дойл. К его удивлению, ни один из английских театров ею не заинтересовался. Тогда литературный агент Дойла переслал пьесу в Америку, она попала в руки Джиллету, и тот быстро смекнул, чего пьесе не хватает. В 1899 году Конан Дойл получил от Джиллета телеграмму, где тот спрашивал позволения написать пьесу «Шерлок Холмс» на основе дойловского текста и по мотивам нескольких рассказов, а также деликатно осведомился, «нельзя ли Холмса женить?». Конан Дойл был, возможно, не в духе в тот момент, очевидно, сказалась и усталость от постоянного общения с Сыщиком, а может быть, и досада на собственную неудачу в драматургии, только он ответил весьма раздраженно и категорично: «жените, убивайте, делайте с ним, что хотите». Джиллет предпочел женить, и, под занавес, златокудрая избранница доверчиво опускала головку на плечо детектива, когда-то утверждавшего, что никогда не женится. Конан Дойл видел пьесу и остался очень доволен: «Я просто очарован этой вещью, игрой актеров и... ее денежными результатами» (ведь он значился в соавторах). Пьеса продержалась на театральной сцене тридцать лет и была сыграна 230 раз. Последний спектакль состоялся в 1930 году — в год смерти Дойла. Один из критиков нашел произведение Джиллета «абсурдной, претенциозной, но восхитительной мелодрамой», и отмечал большое мастерство, с каким в единое и цельное произведение были слиты семь рассказов о Холмсе, в частности, здесь был «Камень Мазарини»,

в котором перед читателем является новое лицо, слуга Билли, «юный, но очень толковый и сообразительный», по словам Холмса. Так вот, в роли Билли, когда пьеса игралась в Лондоне, выступил, как было указано в программке, «мастер»¹⁰ Чарлз Чаплин. В 1975 году пьеса была показана по американскому телевидению.

Успех Джиллета опять вдохновил Дойла и он сделал инсценировку «Пестрой ленты», причем в первых спектаклях «играла» настоящая змея. Шерлок Холмс появился также на подмостках Испании и Франции. В Испании особенным успехом пользовалась сценическая версия «Собаки Баскервилей», которая была «чудом науки и техники». При помощи отлаженного механизма по сцене галопировала громадная черная собака с огненно-красными глазами и языком (электрические лампочки).

Уильям Джиллет в роли Шерлока Холмса

¹⁰ Принятое (особенно в прошлом веке) обращение к подростку.

По словам современников, особенно хороши в роли Холмса были сам Джиллет и, впоследствии, актер Бэзил Рэтбоун, который играл Холмса и на сцене, и в кино, и на телевидении. Критики считают, что Джиллет бесподобно соответствовал романтическим вкусам девятнадцатого века, а Рэтбоун — детище века двадцатого, олицетворение интеллектуального динамизма и нервной энергии. Рэтбоун выступал с чтением рассказов Дойла по радио и говорил, что «столь близкое знакомство и, смею сказать, дружба с м-ром Шерлоком Холмсом — самое замечательное, самое радостное событие во всей моей работе». Холмс настолько «вошел в его плоть и кровь», настолько отождествился сам Рэтбоун с образом Холмса в восприятии зрителей, что к нему нередко стали обращаться на улице как к «м-ру Холмсу» или за просто приветствовали «Шерлока». Когда он пытался играть в других пьесах и фильмах, его постигала почти неизменная неудача. На смерть Рэтбуона (1967) в одной из газет появился такой стихотворный некролог:

Вновь прибывшему актеру

Дойл на небе руку жал,

Вы явили Холмса взору,

Каким я его создал...

Существует движение поклонников Холмса. Оно возникло в 1928 году в Англии. В 1934 году было создано первое

«Лондонское общество Шерлока Холмса», просуществовавшее до второй мировой войны. Второе, в коем самое деятельное участие принял литератор Д. Э. Холройд, автор книги «В окрестностях Бейкер-стрит», было организовано после войны. Его девиз: «Способствовать единению тех, кто разделяет интерес, как читатели и ученые, к литературе о Шерлоке Холмсе; поощрять внимание к общественной и личной жизни Шерлока Холмса, публиковать Записки Общества и сообщения касательно шерлокианы». В 1951 году вторично созданное «Лондонское общество Шерлока Холмса» решило открыть с помощью Библиотеки лондонского района Мерилебон, в который входит Бейкер-стрит, выставку, посвященную «жизни и творчеству» любимого героя. Раздавались и скептические голоса: зачем оказывать такие знаки внимания вымышленному персонажу, который к тому же «занимался преступлениями», но поклонники Холмса предприняли очень остроумный ход — публикацию писем, числом 16, «от лица» Уотсона, Майкрофта Холмса, миссис Хадсон и даже Лестрейда, в которых эти «уважаемые люди» высказывали надежду, что благая идея почтить Холмса все же восторжествует. Так оно и оказалось. Идею выставки поддержал мэр Мерилебона, особенно — предложение реконструировать гостиную Холмса и Уотсона. Но где? Ведь во времена Холмса и Уотсона дома 221 Б на Бейкер-стрит... еще не существовало, и десятки исследователей истратили немало чернил, а также времени, чтобы установить, где же

в таком случае могли бы жить знаменитые дойловские герои. Остановились предположительно на двух домах, № 109 и 111, которые наиболее соответствуют описанию, данному Дойлом в рассказах, но выставка была открыта в помещении «Эбби Билдинг» на Бейкер-Стрит, 221 Б (к этому времени дом под таким номером уже построили). Выставку открыла вдова писателя леди Джин Конан Дойл, а его старший сын Адриан «одолжил» для Выставки «бесценные предметы», в частности и пурпурный халат отца. Общее восхищение вызвала гостиная, в которой художник-дизайнер Майкл Уайт тщательно и любовно воссоздал особенности обстановки, известной всему миру. Выставку посетили королева-мать и еще 54 тысячи человек. Она была показана также в Нью-Йорке, по просьбе американских холмсовских клубов, а их в США несколько: «Риту а листы дома Месгрейвов» и «Нерегулярное воинство с Бейкер-стрит» в Нью-Йорке, «Пестрая лента» в Бостоне, «Собаки Баскервилей» в Чикаго, «Пляшущие человечки» в Провиденсе и т. д. Глава «Нерегулярного воинства» Кристофер Морли, между прочим, однажды сказал: «Это абсурд, что создатель Шерлока Холмса был возведен только в дворянское достоинство, его надо было причислить к лику святых». Затем гостиная вернулась к родным берегам и «стала на якорь» в таверне «Шерлок Холмс» на Нортамберленд-стрит. Тогда же был написан гимн поклонников и почитателей Шерлока Холмса, который звучит примерно так:

О Шерлок Великий! Как хочется нам
Твои приключения делить,
И тех происшествий распутать клубок,
Каких никому не раскрыть.
В наш век беспокойный ты радость несешь
Мальчишке, что бредит тобой.
И старцу, который, встречая тебя,
Опять молодеет душой.
О Шерлок, тебе воздаем мы хвалу,
Будь славен во веки веков,
Любимый и мудрый, бесстрашный герой
С Британских седых берегов!

По словам Холройда, у всех шерлок-холмсовских обществ есть одно неписаное, однако неуклонно соблюдающееся правило: Холмс и Уотсон не только существовавшие, но каким-то непостижимым для нас образом все еще существующие люди, а что касается Артура Конан Дойла, то он был просто-напросто «литературным агентом» Уотсона и «обеспечил» публикацию рассказов. Все холмсовские общества ежегодно собираются на заседания, на которых дискутируются и уточняются такие проблемы, как дата рождения Холмса, время его поступления в университет, и какой это был университет, Оксфорд или Кембридж, потому что если это Оксфорд, то он мог учиться одновременно с Оскаром Уайлдом, своим почти ровесником, и где точно в графстве

Сассекс расположена ферма Холмса, и т. д. и т. п. Волнует многих вопрос, сколько раз был женат Уотсон и на ком. Одни утверждают, что после смерти первой жены (в девичестве мисс Морстен) он женился на Вайолет Хантер из «Медных букв», когда уверился, что Холмс ни на Вайолет, ни на ком-то еще жениться не собирается. После смерти первой жены Уотсон опять на некоторое время переселился на Бейкер-стрит. Однако друзья разъехались снова и явно потому, что доктор женился вторично (между прочим, сам Конан Дойл был женат дважды, первая жена его умерла от туберкулеза).

Эта шерлок-холмсовская «игра» настолько занята и захватывающа, что подобные проблемы обсуждаются совершенно серьезно, не менее серьезно, чем, например, в Диккенсовом клубе пиквикистов обсуждались повадки рыбки-колюшки, о коих мистер Пиквик, как мы помним, сделал весьма ученое сообщение. А как отнеслись к подобной игре другие мастера детектива? Дороти Сейерс искренно прониклась ее важностью и в свое время указывала, что такая игра требует огромного внимания и сосредоточенности. А вольнодумец Рекс Стаут высказал однажды совершенно невозможное, даже еретическое предположение, что Уотсон был... переодетой женщиной. «Нерегулярное воинство» Нью-Йорка было так возмущено этим нечестивым предположением, что предало Стаута анафеме.

В 1953 году на торжествах по случаю коронации Елизаветы II был представлен балет по рассказам Конан Дойла. Холмса (и Мориарти) танцевал Кеннет Макмиллан, а Уотсона — Стэнли Холлен.

Кинофильмов по шерлокиане на Западе представлено свыше полутора ста. Первый, «Шерлок Холмс недоумеваает», был снят в 1900 году самим Эдисоном и шел всего тридцать пять секунд. Его сюжет: в гостиную на Бейкер-стрит забирается вор и торопливо начинает собирать в мешок ценные вещи. На шум появляется Холмс. Из-за несовершенства аппарата изображение вора на экране то и дело исчезало. Последний кадр таков: Холмс, на глазах у которого грабитель вновь неожиданно «пропал», недоумевающе смотрит на зрителя. Кто выступал в этом тридцатисекундном фильме в роли Холмса — неизвестно. Затем Эдисон снял пьесу Джиллета «Шерлок Холмс. Драма в четырех актах», но лента не сохранилась. Холмса играл Морис Костелло.

В 1905 году фирма «Витаграф» снимает «Приключения Шерлока Холмса», а в 1907 году — фильм «Пойман», по рассказу «Союз рыжих», но Холмса там вообще нет, а в роли Сыщика выступает нью-йоркская полиция. С 1908 года серию «холмсовских» фильмов создает датская «Северная кинокомпания», которая к 1911 году поставила 13 фильмов. В одном из них, «Шерлок Холмс и смертельная опасность», снимался известный тогда актер Вигго Ларсен. В фильме не было Уотсона, а Холмс в

одинокую ловил и Мориарти, и вора — «джентльмена» Раффлса, героя романа Э. Хорнунга. По отзывам критики, эти фильмы были приторно сентиментальны и мелодраматичны.

В 1906 году вышла первая кинокомедия на холмсовский сюжет «Мисс Шерлок Холмс» о женщине-сыщике, которая выслеживает и предает в руки полиции шайку гангстеров, и тогда же в Америке был поставлен фильм «Шерлок Холмс и загадка великого убийства» по мотивам рассказа Э. По «Убийства на улице Морг», где Холмс выступал в роли Дюпена. Здесь впервые на экране появляется и Уотсон. В 1909 году к холмсовской экранной «индустрии» подключаются Италия и Франция, а в Германии в 1910 году выходит фильм «Арсен Люпен против Шерлока Холмса» (по мотивам рассказов Мориса Леблана), в котором Холмса приглашают в Париж, чтобы, наконец, найти управу на знаменитого, бесстрашного и крайне удачливого мошенника. В 1912 году франко-английская фирма ставит «Пеструю ленту», и сам Дойл выступает главным консультантом. Та же фирма поставила «Серебряного» и «Тайну Боскомской долины», а также «Медные буки», «Обряд дома Месгрейвов», «Берилловую диадему» и «Рейгетских сквайров».

Особенно любима киношниками «Собака Баскервилей», первая экранизация которой состоялась в 1914 году, а в 1921 была снята новая ее киноверсия, где «участвовала» действительно горящая адским пламенем, то есть фосфоресцирующая собака.

В 1914 году увидел свет экран «Этюд в багровых тонах», а спустя год «продолжение» «Собаки Баскервилей», где злодей Степлтон оказался жив, но по-прежнему остался негодяем. В 1916-м была снята пьеса Джиллета, актеру в это время исполнилось уже 65 лет, и тем не менее он по-прежнему считался лучшим Шерлоком Холмсом. В 1921 году начинается выпуск холмсовской киноэпопеи, состоящей из 15 фильмов, где в роли Холмса выступал известный актер Элли Норвуд, и он же снимался в главной роли в «Собаке Баскервилей». В 1927 на экраны вышел короткий звуковой фильм «Сэр Артур Конан Дойл», в котором создатель образа Холмса рассказывал о том, как возник замысел шерлокианы, а также о своем глубочайшем увлечении спиритизмом. Когда в 1975 году на американском телевидении пошла передача «Вечер в гостях у Шерлока Холмса», этот короткий фильм был отреставрирован и вновь показан.

В 1939 году на экранах Англии и Америки вышла «Собака Баскервилей» с Бэзилем Рэтбоуном в главной роли, и это был последний немой фильм о Холмсе. Первым звуковым стал фильм «Возвращение Шерлока Холмса», который практически не имел ничего общего с рассказом Конан Дойла. Действие происходило на борту английского лайнера. Здесь, конечно, совершалось убийство, которое успешно расследовал Холмс, но и сам великий Сыщик едва не погибал от уловки злокозненного Мориарти, подарившего Холмсу портсигар с потайной отравленной иголкой.

Холмса спасал Уотсон. Роль Холмса исполнял знаменитый Клайв Брук. В 1936 году Отторино Корно поставил восьмиминутный фильм-бурлеск с «Херлоком Шолмсом» в главной роли. В 30-е выдвигается еще один блестящий исполнитель роли Холмса в кино — Артур Уортнер, который внешне очень похож на пейджетовского Холмса. В 1932 году выходит четвертый фильм по «Собаке Баскервилей», с англичанином Ренделлом в главной роли, но общий суд критиков решил, что фильм скучен, а главные герои совсем непохожи на дойловских. В фильме «Знак четырех» (1932) Холмс собирается жениться на прелестной дочке банкира Элис Фолкнер, но опять вмешивается inferнальный Мориарти, который замыслил обокрасть банк Фолкнера и убить его, а в убийстве и краже обвинить Холмса. В том же году вышла чехословацкая картина «Леличек на службе у Шерлока Холмса», где тайного агента Леличка играл известный комический актер Власта Буриан. В том же кинопродуктивном 1932 году на экране в роли Холмса впервые появился Реджинальд Оуэн (на него внешне очень похож наш «советский» Холмс, Василий Ливанов). В 1937 году «Собака Баскервилей» была поставлена в Германии с Бруно Поттнером в главной роли, а 27 ноября того же года в США был показан первый телевизионный фильм «Три Гарри-деба».

В 1939 году выпускается заново отснятый фильм «Собака Баскервилей», сделанный фирмой «Двадцатый Век — Фокс», и тогда

же Бэзил Рэтбоун и Нигел Брюс (лучший западный Уотсон) приступают к работе над четырнадцатисерийной шерлокианой (1939–1946). По словам одного из критиков, Рэтбоун и Брюс так же отождествились в общем сознании со своими героями, как «Форд с автомобилем». Рэтбоун к этому времени уже изрядно устал от Холмса и тем не менее в одном из интервью проникновенно сказал: «Думаю, что Холмс — один из величайших литературных героев. При том что в наше время написаны тысячи детективов, он возглавляет список всех знаменитых ищеек. Его имя — синоним слова «сыщик», и сыграть такого персонажа для меня важнее, чем десяток Гамлетов».

Холмс и Уотсон «приняли» участие и во второй мировой войне, о чем рассказывается в фильме «Шерлок Холмс и Голос Ужаса». Каждый раз перед тем как в Англии происходит акт военного саботажа, в эфире раздаётся издевательский голос, предрекающий скорое падение Альбиона перед сокрушительной волей «господствующей расы». Холмс и Уотсон подозревают, что это проделки старого знакомого фон Борка, ставшего одним из шефов немецкой контрразведки в Англии, но на самом деле «голосом» оказывается свой собственный изменник, служащий в «Интеллидженс Сервис», и Холмс его разоблачает. Фильм заканчивался знаменитыми словами из рассказа Дойла «Его прощальный поклон»: «Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом мире вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер,

который еще никогда не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может быть, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все ж он будет ниспослан богом, и, когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее»¹¹. И слова эти, сказанные «накануне» первой мировой, звучали как сама актуальность во время второй, вселяя мужество в англичан и уверенность, что после войны жизнь в стране укрепитя на более справедливых и гуманных социальных началах. Интересно было бы сопоставить со словами Холмса текст передач на Би-Би-Си Джона Бойнтонна Пристли, который в годы войны был обозревателем английского радио и тоже говорил о лучших послевоенных временах.

Итак, ни зритель, ни читатель не желали расставаться с Шерлоком Холмсом и доктором Уотсоном. Этот вечный читательский интерес учли сын Дойла, Адриан, и Джон Диксон Карр, которые несколько позднее, в 1953 году, предпримут в журнале «Колльере» публикацию «Новых приключений Шерлока Холмса», основанных на беглых упоминаниях о них Уотсона. Среди этих с интересом воспринимавшихся новых детективных подвигов Холмса следует отметить «Приключения «Черного Баронета»», по которому потом был сделан фильм. Вообще кинопродюсеры прекрасно умели и умеют использовать невянущий

¹¹ Перевод Н. Дехтеревой. И теми же словами заканчивается наш недавний фильм «Шерлок Холмс и доктор Ватсон в XX веке».

интерес к Великому Сыщику, что и понятно, и похвально: трудно представить себе круг чтения современного человека без шерлокианы, и поэтому кажется странной явная неприязнь к Холмсу Богомила Райнова в книге «Черный роман», равно как и его стремление всю детективную литературу определить как «черный» жанр. «Черный роман» все же нечто другое, на наш взгляд, чем полагает Райнов.

...Но как же обосновывалось присутствие Холмса и Уотсона в нашей современности? В этом смысле очень убедительно звучала заставка к фильму «Шерлок Холмс и Голос Ужаса»: «Шерлок Холмс, бессмертный литературный герой, созданный сэром Артуром Конан Дойлом, не имеет возраста, он непобедим и вечен. Решая важные проблемы, сегодня он остается, как и всегда был, несравненным мастером дедуктивного анализа». Но создатели фильма сочли все же необходимым кое-что изменить во внешнем облике Холмса. Выходя из дому, Холмс по привычке тянется к кожаной охотничьей шапочке, но тут Уотсон ему напоминает: «Нет, Холмс, вы же обещали», и Холмс, бросив ностальгический взгляд на старую заслуженную шапочку, надевает шляпу с полями, а вместо лупы он теперь пользуется микроскопом. Фильм, сначала называвшийся «Шерлок Холмс спасает Лондон», снискал большой успех у зрителя и, между прочим, — у «Нерегулярного воинства» Нью-Йорка тоже, несмотря на их неистовую приверженность мельчайшим подробностям холмсовской

атрибутики. В том же году был выпущен фильм «Шерлок Холмс и Секретное оружие», где Мориарти готов продать нацистам военный секрет. Огромный успех у зрителя получил фильм о Мориарти женского пола «Женщина-паук», где зло сеет молодая аристократка мисс Адрия Спеддинг. Она убивает своих гостей с помощью большого паука, укусы которого настолько болезненны, что несчастные жертвы кончают самоубийством, лишь бы прекратить нестерпимые муки. Так как нападение паука происходит ночью, когда гости давно спят, серия злобных смертей, тайну которых выясняет Холмс, называется «Самоубийства в пижамах». В 1945 году вышла мексиканская кинокомедия «Арсенио Люпен», где был использован рассказ М. Леблана «Херлок Шолмс приходит слишком поздно».

Последний раз Бэзил Рэтбоун снимался в роли Холмса в фильме «Натренирован убивать». Это был, так сказать, «прощальный поклон» самого актера, но совершенно расстаться с Холмсом он был уже не в силах и поэтому стал выступать с чтением рассказов Дойла, дал согласие позировать для рекламы сигарет в образе Холмса — Холмс уже курил не трубку, а сигареты «Честерфилд» — и написал рассказ «Сон наяву», в котором под видом инспектора Скотланд-Ярда Берка попадал в Сассекс и там, наконец, «знакомился» с настоящим Холмсом. Очень понравился англичанам телевизионный фильм-спектакль «Чаепитие на Бейкер-стрит» (1948), где миссис Хадсон, миссис Уиггинс (Уиггинс

— имя одного из бейкерстритовских мальчишек, помогавших Холмсу во времена оны) и позднее Ирэн Адлер устраивают засаду Мориарти, связывают его и передают Холмсу и полиции. В 1954 году был снят новый, на этот раз цветной, фильм «Собака Баскервилей» с Питером Кашингом и Андре Мореллем в главных ролях — «красочный, но скучный».

В 60-е «Лондонское общество Шерлока Холмса» выпускает документальный фильм «Мир Шерлока Холмса» и «Возвращение в Хемстед», в 1965-м американская «Коламбия Пикчерс» снимает «Этюд ужаса» — о том, как Шерлок Холмс выследил знаменитого Джека Потрошителя. Надо сказать, ужасные убийства, жертвами которых были женщины и которые совершались в Лондоне 80-х годов прошлого века — как раз тогда, когда Холмс начал свою благородную деятельность, — так и не были раскрыты, и Конан Дойл, по словам современников, чувствовал «неловкость» от того, что его знаменитый сыщик словно не ведает о существовании опасного убийцы-маньяка. Джон Невилл в роли Холмса и Доналд Хаустон — Уотсон — теперь эту «оплошность» исправляли. В 1969 выходит итальянский фильм «Собака Баскервилей», в 1970 — американская картина «Личная жизнь Шерлока Холмса», где фигурировала русская танцовщица, желающая иметь ребенка от Холмса — «ведь это будет вундеркинд». Холмс деликатно отклонял «предложение», ссылаясь на свои якобы не совсем «обычные» отношения с Уотсоном. Уотсон же,

отчаянный волокита за женским полом, до поры до времени не подозревает о том, какую репутацию ему создал обожаемый Холмс, а, узнав, в ярости упрекает сыщика в предательстве. В том же фильме Холмс женился — увы — на немецкой шпионке, которая «по делам службы» потом перебралась в Японию и там погибла. Холмс узнавал об этом от Майкрофта Холмса и молча удалялся в свой кабинет. Фильм был слишком «откровенен» и непочтителен по отношению к кумиру миллионов, почему и не пользовался популярностью, а продюсера Вилли Уайлдера критики упрекали в тайном замысле скомпрометировать Великого Сыщика, что, конечно, не удалось. В 1972-м появился телевизионный фильм «Собака Баскервилей» — «вялый и скучный».

Американская телевизионная компания Эи-Би-Си предприняла в середине 70-х постановку новой «холмсовской» серии. Так появился фильм «Шерлок Холмс в Нью-Йорке», где Мориарти похищает сына Ирэн Адлер и Холмса, девятилетнего Скотта Адлера, и в кульминационной сцене Холмс и Мориарти вступают в единоборство около двери-«ловушки», за которой — обрыв в бушующую реку, что напоминает об их былой схватке у Райхенбахского водопада. Кстати, о «сыновьях» Холмса: высказывалось еще одно литературное предположение: это Ниро Вулф, известный частный сыщик, герой детективных романов Рекса Стаута. Он обожает орхидеи и никогда не покидает кресла.

А как с популярностью Холмса в нашей стране? Она неизменна, об этом свидетельствует и популярная книга Романа Белусова «О чем умолчали книги», и собственная наша шерлоковская эпопея с Ливановым и В. Соломиным в главных ролях. Мне довелось однажды слышать восторженный отзыв одного из англичан о Соломине-Уотсоне, «лучшем», по мнению этого литератора, из всех, каких ему приходилось видеть, так блестяще играет наш артист «Божественную глупость» Уотсона. Очень привлекателен и Холмс Ливанова своей человечностью, юмором и завораживающим низким голосом, только напрасно, пренебрегая прямым указанием Дойла на то, что Холмс смеется «беззвучно», Ливанов заставляет нашего общего любимца раскатисто хохотать: что поделаешь, зритель, умудренный неоднократным чтением шерлокианы, всегда будет ревниво требовать наивозможно полного сходства с оригиналом, и не могут, например, не коробить в устах сыщика-джентльмена такие выражения, как: «Вам приспичило моего медку?» («Шерлок Холмс и д-р Уотсон в XX веке»). Коробит потому, что наш Холмс, — а для каждого он еще и «мой Холмс», так сказать не мог.

Напоследок вернемся к литературной стихии — жизнеописанию Холмса и Уотсона. Передо мной фантастический роман Роберта Ли Холла «Шерлок Холмс уходит, последние дни Великого Сыщика» (1977). Это — роман-мистификация, так как автор выдает себя за «единственного, оставшегося в живых, внука

покойной Эмили Перси Холл, крестницы Вайолет Уотсон, второй жены знаменитого доктора». Оказывается, на смертном одре Уотсон закончил последний манускрипт и завещал его крестнице покойной жены, и теперь Роберт Холл, нашедший рукопись на чердаке бабушкиного дома, предлагает ее вниманию читателя. И ошеломленный читатель узнает, что Шерлок Холмс был... пришельцем из будущего и что Мориарти не погиб в смертоносной схватке на краю Райхенбахской пропасти. А вообще, он тоже пришелец, но если Холмс олицетворяет Добро, то Мориарти — Зло (оно таким образом проникло и в будущее). Оказывается, Холмс и Мориарти в машине времени вернулись в викторианскую Англию, но потом опять, и снова вместе, возвращаются в свой XXII век. Холмс, между прочим, расставаясь с другом Уотсоном, предостерегает бедную планету Земля много грядущих войн, прежде чем она обретет мир, спокойствие и благоденствие, — однако это станет возможным только тогда, когда погибнет Мориарти... Таким образом, «последние дни» Холмса на земле, его «уход» — вовсе не свидетельство физической его смерти, а залог того, что и в будущем счастливый читатель повстречается с Великим Сыщиком. Прекрасная, между прочим, метафора бессмертия Шерлока Холмса.

И вновь мы возвращаемся к феномену бытия человека, которого никогда не было, но который все-таки существовал,

существует и пребудет с нами, пока царит над миром воссоздающая власть воображения.

«Вернемся к реальности», — нетерпеливо перебил Бальзак приятеля, рассказывавшего ему о болезни сестры: — «Кто женится на Евгении Гранде?» А осознав неизлечимость своей последней болезни, уже умирая, он прошептал: «Меня бы мог спасти Бьяншон», — знаменитый врач Орас Бьяншон, в молодости друг юного Растиньяка, тоже впервые увидевший свет мира в «Отце Горио». Нельзя тут не вспомнить и хрестоматийно известное восклицание Пушкина насчет «удравшей с ним штуку» Татьяны, вышедшей замуж за «важного генерала».

Итак, Шерлок Холмс жив и остается с нами.

В доме 221 Б на Бейкер-стрит, где расположена фирма «Эбби Роунд билдинг сосайети», есть специальная секретарша мистера Холмса, в обязанности которой входит отвечать на письма, адресованные Великому Сыщику. А они по-прежнему приходят по этому прославленному адресу. Секретарша Никки Кэйперн аккуратно и деловито отвечает желающим помощи или совета, что мистер Холмс вкушает заслуженный отдых на своей ферме в Сассексе, где по-прежнему разводит пчел... Существует и музей Шерлока Холмса. Он расположен на улице Нортамберленд-стрит в таверне «Шерлок Холмс». Здесь посетителю подадут кружку пива и вручат путеводитель. За стеклянной перегородкой мы увидим крошечный музей — общую гостиную, которую воссоздал

еще Майкл Уайт для первой холмсовской выставки. Вот кресло Холмса — для сыщика при его высоком росте оно было несколько маловато и не очень удобно, но все равно он его любил. Вот кресло-качалка Уотсона. Третье предлагалось посетителю. В углу на столике с прожженной кислотой столешницей — химическая лаборатория Холмса. Поблизости его знаменитые трубки и не менее знаменитая лупа. Среди писем — одно, присланное почитателем еще из дореволюционной Астрахани. Комнатка, где с такой бережностью и любовью хранится каждая мелочь, принадлежавшая Шерлоку Холмсу, кажется обитаемой. Здесь можно на минуту закрыть глаза и очень явственно увидеть человека в кресле у камина. Звонок, стукнула входная дверь внизу, слышатся шаги, и навстречу вошедшим поднимается Шерлок Холмс и, поздоровавшись, произносит обычную фразу: «Пожалуйста, садитесь, чем могу служить вам?»

Это говорит защитник, благодетель и слуга человечества Шерлок Холмс. Бессмертный Шерлок Холмс!

